

СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО

ВЕТЕР

ЗА ГОРИЗОНТ

ИДДК

КНИГА 3

Ветер

Сергей Панченко

Ветер. Книга 3. За горизонт

«ИДДК»

2020

Панченко С. А.

Ветер. Книга 3. За горизонт / С. А. Панченко — «ИДДК»,
2020 — (Ветер)

Ветер, уничтоживший мир, не затронул полярных областей, но и там ощущались его последствия. Огромные массы воды, сгоняемые к полюсам, вызвали страшные ледовые штормы. Последствия стихии испытали на себе команда и гости ледокола «Север». Так же в книге продолжена история Матвея, героя первой книги, и Прометея из второй.

© Панченко С. А., 2020

© ИДДК, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Панченко

Ветер

Книга 3. За горизонт

Пролог

Красные в закатном солнце облака творили в небе несусветный танец. Они возникали из ниоткуда, закручивались в хоровод и снова исчезали, удаляясь от эпицентра. Учитывая, с какой скоростью происходило их движение, страшно было представить бушующие там вихри. Салим наблюдал за странным природным явлением, лёжа на носу своего прогулочного катера, на котором он катал туристов. Из-за сильного похмелья капитан оставался безучастным наблюдателем. Однако в голове кружились навязчивые мысли о том, чтобы убраться подальше от кажущегося опасным атмосферного явления.

Салим решил, что где-то рядом нарождается новый подводный вулкан, коих в последние годы стало появляться всё больше. Гавайи уже не казались ему лучшим местом для отдыха. В подтверждение его теории выступал и низкий гул, едва различимый на границе инфразвука. Капитан посмотрел на часы. Начало одиннадцатого. Он хорошо помнил, как начинался этот день. Две счастливые молодые пары из Вайоминга вышли с ним в открытый океан. Они много пили, купались, дурачились. Салим вообще был против распития напитков с клиентами, но тут они нашли к нему отмычку, и понеслось.

Он и сам не заметил, как набрался под разморившим его жарким солнцем, однако позволил себе отключиться только после того, как весёлые туристы сами попадали без сил на кожаные диваны. Капитан был уверен, что до его отключки с погодой было всё нормально. И прогноз, который он всегда смотрел перед выходом, не предвещал начала урагана. Значит, это точно был вулкан, спрогнозировать который никто не мог. Салим поставил будильник на звонок через тридцать минут и попытался вздремнуть. Сон с похмелья – первое лекарство.

У него не получилось. По корпусу катера шла мелкая вибрация, от которой становилось не по себе. А потом он услышал, как в каюте кого-то из девушек начало рвать. Нужно было встать и справиться о здоровье. Не хватало, чтобы его клиенты умерли, захлебнувшись собственной рвотой.

Салим сел. Мир тошнотворно раскачивался перед глазами. На горизонте, на фоне темнеющего неба проступал ещё более тёмный купол, который капитан принял за облако вулканического дыма. Его положение точно совпадало с местом скручивающихся облаков.

– Вулкан, – прохрипел пересохшей глоткой Салим, и встал, держась за поручни.

Он спустился в каюту, сразу почувствовав неприятный запах. Не так уж редко ему приходилось выходить в море с людьми, страдающими морской болезнью.

– Кому плохо? – спросил он в тёмное нутро каюты.

– Мне, – слабо ответил женский голос.

Салим нашарил выключатель и включил свет. На краю дивана лежала девушка с неприкрытой грудью, свесив голову вниз, в ожидании очередных спазмов. Салим полез в холодильник и вынул из него газированный горький тоник, лучше всего справляющийся с возмущающимся желудком.

– Держи, поможет, – он открыл банку и протянул её девушке.

Ей было совсем не до стеснения. Она взяла её слабой рукой и сделала несколько глотков. Салим достал себе из холодильника маленькую бутылку виски, открыл её и отхлебнул.

Тепло потекло по горлу и попало в желудок. Девушка посмотрела на капитана проясняющимся взглядом. До неё, наконец, дошло, что у неё обнажена грудь. Она прикрылась своей майкой.

– Извините, я всё уберу, потом, когда полегчает, – пообещала она.

– Я уберу сам. Это входит в мои обязанности, – успокоил её Салим, надеясь, что девушка не даст ему этого сделать.

Она же покорно согласилась с его предложением, улыбнулась и снова легла на диван. Кажется, ей немного полегчало. Салим вынул банку с тоником из её рук, снова глотнул виски и запил газированным напитком. Алкоголь начал понемногу анестезировать его самочувствие.

Капитан полез в подсобку, где у него хранился хозяйственный инвентарь. Вынул ветошь и ведро, выбрался из душевой каюты, чтобы набрать за бортом воды и бросил взгляд в сторону тёмного пятна. Оно выросло в размерах раза в три и теперь казалось совсем близко. Пятно почти достигло облаков, которые теперь кружились вытянутым эллипсом.

Салим решил, что после того, как уберёт за туристами, заведёт двигатель и уберётся подальше, чтобы не дай Бог не попасть под выбросы пепла. Капитан прошёл к корме и спустился по ступеням к кромке воды. Океан был спокоен, как никогда. Вернее, он никогда не был так спокоен, как сейчас. Обычно даже в штиль волны всё равно шлёпали в ступени, но сейчас не было слышно ни звука. Заинтригованный капитан вернулся за фонарём, включил его и замер. Вода показалась ему идеально ровной и неподвижной, но покрытой мелкой рябью, будто в ней что-то вибрировало.

Салим, направив фонарь в воду, свободной рукой зачерпнул её ведром. Луч света выхватил в чистой воде сверкающие серебром силуэты рыб, мечущихся в поверхностном слое. Видимо, они пошли на свет, потому что по днищу катера забарабанили глухие удары. Капитан потушил фонарь, резко поднялся, вылил воду из ведра назад в океан и направился к штурвалу. Обстановка в океане перестала нравиться ему абсолютно. Несмотря на головную боль и слабость, он был полон решимости убраться из опасного места, как можно скорее.

Замер и воздух. В ушах стало глухо. Над этой тишиной начал доминировать однотонный гул, идущий будто бы из самого океана. Часы запищали напоминалкой. Салим отключил её и обернулся, чтобы посмотреть на пятно.

Он не поверил своим глазам. Горизонт был тёмным, темнее ночи, от края и до края. Не имея сил оторвать взгляд от приближающегося нечто, капитан смотрел на него, как заворожённый. Ему пришла мысль, что это последнее, что он видит в своей жизни.

Поддавшись фатализму, он не стал заводить двигатель катера. Выпрямился в полный рост в ожидании приближающейся тьмы, суеверно считая её порождением дьявольского промысла. Резкий порыв влажного ветра ударил ему в лицо.

Глава 1

Каждую весну потоки грязной воды, идущие с материка, надолго отгоняли рыбу к полюсам. Южные ветра гнали к Новой Земле туманы и тяжёлые запахи болотных миазмов, напоминая о том, что мир ниже полярных широт почти умер. К оконечностям Южного острова во множестве прибывали пережившие долгое плавание сорванные потоками весенней воды поля водорослей. Прибой скатывал их по берегам в огромные рулеты, которые, застоявшись на солнце, принимались испускать зловоние.

Но прежде чем они начинали гнить, из их массы выбирали самые свежие пучки, идущие на переработку. По большей части их вялили на ветру, для долгого хранения. По словам военного медика Григоровича с «Пересвета», водоросли отлично заменяли нехватку фруктов и овощей. За двадцать лет, прошедших с катастрофы, погубившей мир, люди настолько привыкли к болотному привкусу водорослей, что уже относились к ним как древние люди к первым окультуренным злакам. При должном кулинарном умении из них можно было готовить такие блюда, что пальчики оближешь. Детям, родившимся после катастрофы, не надо было рассказывать о яблоках или апельсинах, они радовались котлеткам из рыбьего фарша и водорослей как самому дорогому деликатесу.

Были попытки вырастить плодовые деревья из семян, взятых из хранилища Судного дня, но они не увенчались успехом. Климат Новой Земли плохо подходил для растений, не приспособленных для такого климата. Пророщенные из семян черенки обычно погибали из-за намокания под снегом, либо заражались болезнями, а те, что сумели перенести зимовку, могли замереть в росте летом под слабыми лучами низкого полярного солнца. Зато представители дикой природы удивили своей приспособляемостью. Непонятно откуда взявшаяся морошка, обнаруженная недавно на склоне одного из оврагов, была огорожена и взята под охрану, дабы не затоптать её. Первые ягоды и отростки рассадили по округе во всех местах, схожих с тем, где её нашли.

Матвеем пошёл четвёртый десяток. Он до сих пор не был женат, потому и оказывался в первых рядах тех, кому приходилось рисковать собой ради обеспечения посёлка продовольствием. Всё женщины в посёлке были либо значительно старше его, либо были ещё детьми. Из ровесников – только сестра Катька, нарожавшая четверых племянников. Всего на десять лет старше него самого была Джейн, но она замуж не собиралась. Как ни давили на неё, взывая к совести, космонавтка так и не смогла связать себя узами ни с одним мужчиной. Матвей тоже пытался ухлёстывать за ней, но ничего кроме тёплых разговоров по душам у них не случилось. Джейн хранила верность Игорю Кружалину, а после её откровения о них любой намёк на отношения получался пошлым.

Зато её дочь Анна выросла настоящей оторвой. В ней, как в гибриде первого поколения, полученном от двух различных «сортов», случилось явление гетерозиса. Анна выглядела гораздо старше своих четырнадцати лет. От родителей ей достались смелость, любознательность и неуёмность, яркая славянская внешность и американская раскованность. Она была немного старше своего поколения, а потому верховодила всеми детьми, её авторитет среди них был бесспорный. За это её и назначили заведующей детским садом. Пока взрослым приходилось работать, она присматривала за детьми, обучая их грамоте, навыкам работы и всему, что умела сама. В рабочее время Анна не позволяла себе ничего противоправного, но стоило случиться выходному, как она тут же попадала в разные истории. Однажды её чуть не унесло в море на самодельном плоту из трёх досок, которые она прятала под камнями. В другой раз она забралась в трясину, пытаясь поймать лягушонка, и её едва успели вытянуть оттуда. Зимой, когда велика вероятность не заметить белого медведя, она одна пошла на скалы и чуть не стала добычей опасного хищника. Каждый такой случай добавлял Джейн седых волос.

Из-за смешения языков подрастающее поколение разговаривало на странном наречии. Даже используя для обучения книги на русском языке, дети разговаривали на таком диком сочетании русского, испанского и английского, что Матвей не всегда их понимал. Его племянники, выросшие у родителей, разговаривающих на чистом русском, говорили так, как им было удобно общаться в своей среде. Капраз Татарчук относился к этому с пониманием, считая, что подобное смешение способно обогатить культуру небольшой общины выживших людей.

Прошлой весной, когда рыба точно так же ушла на север, на её добычу отправился Егор, отец Матвея, вместе с отрядом в пять человек. Использовали они спасательную шлюпку, добытую с затонувшего корабля. Вторая шлюпка тянулась на прицепе. В неё планировалось загружать пойманную рыбу. Шли вдоль берега, и когда наступила ночь, выбрались на него, чтобы заночевать в палатке. По ночам весной было промозгло, в особенности на открытой воде. Как назло, часовой уснул и на лагерь напал голодный медведь. Он одним ударом разорвал грудину незадачливому часовому. Отец Матвея пришёл в себя раньше всех и кинулся с факелом отгонять медведя, но и ему досталось. Хищник вцепился в предплечье, и если бы не воткнутый ему в морду горящий факел, то он так и откусил бы ему руку.

Рана оказалась страшной. Плоть была содрана с кости, сухожилия разорваны. Рыбалка была сорвана. Пришлось возвращаться с одним покойником и одним еле живым человеком. Егора отходили, но рука осталась бездействующей, не гнущейся в локте. Состояние физической неполноценности оказалось для него очень чувствительным. Егор на всю зиму замкнулся в себе, чем злил Тамару, нуждающуюся хоть в какой-нибудь помощи. Но к весне отец Матвея нашёл в себе силы выйти из затянувшейся депрессии. Он воспрял духом после совета одного из бывших подводников заняться ведением хроник текущей жизни посёлка, а также исторических моментов, включая события, предшествующие объединению всех жителей. С этого момента началась документироваться историческая летопись народа, обживающего южный остров архипелага Новая Земля.

Климат становился мягче. Цветущие травы отбирали себе всё больше жизненного пространства у типичных растений этого пояса. Лекарств с подводной лодки не осталось, и Григорович, как человек, несущий ответственность за здоровье общины, взялся изучать лечебные свойства трав. Он завёл гербарий, в который собирал все растения в разных фазах роста: до цветения, во время цветения и после, а также их корни. Напротив каждого образца была сделана запись о свойствах, выявленных в процессе употребления отвара из каждого растения в каждой фазе.

По большей части растения не имели никакого выраженного лечебного эффекта. Дважды Григорович чуть не дал дуба, отравившись отваром. Ему пришлось сделать пометку напротив ядовитых трав о том, что данная концентрация может быть опасной, и стоит попробовать ещё раз, уменьшив её в десять раз. Явный эффект был отмечен у травы с мелкими синими цветочками, собранными в плотное соцветие. Отвар их оказался горьким, как хина, и впоследствии вызвал у Григоровича трёхдневный запор и загустевание крови, выражающееся в быстром затекании конечностей. Это средство было рекомендовано от поноса и кровотечений. Также он нашёл траву с отхаркивающим свойством, что было весьма кстати; влажный холодный климат вызывал частые простуды.

Ещё Григорович разработал обеззараживающий впитывающий пластырь и поставил его производство на поток. Оказалось, что высушенные и спрессованные пластинки из водорослей обладают потрясающей влагоёмкостью, а с добавлением в них мха сфагнума появляются ещё и бактерицидные свойства. Пластырь использовался для лечения ран, которые случались нередко, но по большей части им пользовались женщины, приспособив под гигиенические средства во время критических дней. Станок, прессующий пластинки, трудился ежедневно в течение всего года.

Джейн, как биолог, считала своим долгом сохранить важные знания в области селекции. Она написала труд, который простейшим языком объяснял смысл выведения и скрещивания различных сортов, репродукцию и вырождение необходимых свойств сельскохозяйственных культур. Также она пыталась внедрить процесс создания плодородного слоя, пригодного для выращивания культурных растений. Естественный слой почвы в условиях полярного климата измерялся миллиметрами.

Она настояла на том, чтобы под каждым туалетом находились корыта для отходов, которые требовалось вывозить в компостные ямы для создания перегноя. Джейн добавляла в них гниющие водоросли, печную золу, словом всё, что содержало полезные микроэлементы и могло перегнить. Для ускорения процесса она нередко заливала компостные ямы тёплой водой, заставляя микроорганизмы работать активнее. По утрам компостные ямы парили, будто в них кипела вода. На самом деле в них активно бурлила невидимая глазу жизнь, превращающая органику в легкоусвояемое питание для растений.

По весне ямы раскапывались. Перегной раскладывали по грядкам, которые засаживали всем, что могло дать урожай в течение короткого лета. Разница между урожаем на нетронутой почве и на удобренной оказывалась огромной, и первоначальный скепсис и даже безразличность пропали у людей начисто. Всё-таки знания имели огромное значение, помогая людям не скатиться до уровня глупого отрицания научных достижений прошлого. Пугающие своей глупостью разговоры иногда случались среди жителей посёлка, и надо было отдать должное упорству Джейн, не поддавшейся на давление определённой прослойки, готовой деградировать. К счастью, она была невелика и совсем не в авторитете. Волевым управлением каприза Татарчука, имеющего открытый для всего полезного ум, поддерживало существование посёлка в постоянном движении в сторону прогресса.

С последнего посещения экипажа американской подводной лодки прошло десять лет, а затем ни слуху о них, ни духу. Капитан Коннелли обещал вернуться. У него остались на архипелаге четверо членов экипажа, которым он дал год на размышление. А ещё он боялся, что, живя изолированно, люди снова накопят отрицательный заряд для разногласий, который может привести к новым войнам. Все слышали, как перед отправлением капитан твёрдо обещал прибыть на Новую Землю следующим летом. Его ждали все. Любые события за пределами острова казались чудесами, услышать про которые хотелось очень сильно. Но он не прибыл ни на следующий год, ни на второй, ни на третий.

Топливо в подводной лодке к тому времени было уже на исходе и его хватало только на освещение внутри судна. Ни о каком походе на ней не могло быть и речи. Иного подобного серьёзного средства передвижения у жителей посёлка не имелось. Даже для походов к Шпицбергену использовали оранжевые спасательные шлюпки. Для походов они едва ли годились, одна из них даже затонула в средний шторм, нахлебавшись воды. Людей спасли, подняв их в шлюпку, оставшуюся на плаву, но пришлось пожертвовать частью груза – семенами растений, которые везли из хранилища.

Обжившиеся на острове американцы уже и не считали себя кем-то другими, кроме как коренными жителями посёлка. Один из них, темнокожий Майкл, обзавёлся семьёй, в которой каждый год рождался смуглый малыш. Стронуть с места такую обузу было нереально трудно. Спустя десять лет о капитане Коннелли и судьбе основанного им поселения вспоминали довольно редко. На карте, висящей на мостике «Пересвета», стояла отметка, которую сделал сам Коннелли, показывая местонахождение их поселения.

Матвей часто рассматривал выцветшую отметку на территории северной оконечности Аляски и почему-то думал, что на месте капитана Коннелли он обязательно переселился бы севернее, на земли Канады, которые находились ближе к полюсу и меньше пострадали от урагана. Поделившись своими рассуждениями с капризом Татарчуком, он получил его видение ситуации.

– Океан обмелён, а вся эта канадская Арктика – сплошные острова и мелководье. Вероятно, капитан считает судоходство основой сохранения своей общины. Как ни крути, дороги теперь только водные, а рыбы в море осталось гораздо больше, чем животных на суше.

Версия капитана показалась Матвею очень вероятной, но он всё равно в глубине души лелеял мечту о том, что связь с американской колонией возобновится. В мечтах, стоя перед картой, он чертил маршрут вдоль российского побережья до Аляски. Он измерил прямую, поделил её на отрезки, равные примерно дневному переходу и пришёл к выводу, что даже с полным запасом провизии он не сможет добраться до отметки, сделанной американским капитаном.

По вечерам одолевала мошкара, с приходом тепла множившаяся в геометрической прогрессии. Когда-то её было так мало, что опасения насчёт вымирания цветковых растений казались весьма серьёзными. Сейчас они полностью развеялись. Помимо мошкары откуда-то взялись обычные мухи, мелкие жуки, гудящие насекомые, похожие на недоразвитых пчёл. Иногда от них не было спасу, потому что они лезли в тёплые дома, пробираясь сквозь любые щели. Несколько лет назад на острове появились лемминги. Поначалу их оберегали, но уже спустя два года они встречались по всему острову.

Колонии птиц, селящихся по скалистым берегам, тоже множились. Удивительным был тот факт, что птицы научились строить гнёзда на водорослевых островах, дрейфующих по морю. Их несло от материка, что наводило на мысль о том, что жизнь приспосабливается и там. Однажды вечером Матвей увидел промелькнувшую над ним тень птицы без головы. Он невольно испытал мистический страх, но память подсунула ему детские воспоминания. Матвей уже видел такую птицу, и не раз, это была сова, бесшумно проносящаяся в деревенском небе. Однако в посёлке никто кроме него не видел её и даже посмеялся над Матвеем.

– Сова – это крупный хищник, которому для выживания требуется регулярная и обильная добыча. Скорее всего, если они и выжили после урагана, то умерли с голоду с первые дни.

Так сказала Джейн, и Матвей поверил ей, списав увиденное на собственное воображение. Точке зрения биолога суждено было продержаться не более трёх дней, ибо вскоре остров наводнили совы, охотящиеся на непомерно расплодившихся леммингов. Наступало время первого экологического равновесия. Восстанавливающаяся с каждым годом природа не могла не радовать немногочисленных выживших.

– Матве-е-ей! – окликнул его напарник по рыбацкой команде. – Чего задумался? Крути накидку.

Старый брезент, пропитанный тюленьим и медвежьим жиром, защищал экипаж шлюпки от воды во время дождя или шторма. Матвей встрепнулся. Мысли унесли его от этого места далеко, как по расстоянию, так и по времени. Он вспомнил, как всё начиналось. Чёрная полоса ветра отчётливо стояла у него перед глазами, будто видел её только вчера. Она вызывала томление души, как от приближения неизбежной глобальной опасности. Тогда он не понимал и не знал, что его ждёт, сколько всего придётся перенести. Заточение в Чёрной пещере, осознание конца мира после выхода наружу, долгие годы жизни в ней и, наконец, поход на север, закончившийся спасением сестры.

Матвей скрутил край брезента и синхронно с Павлом принялся закручивать его, чтобы закрепить на надстройке над носом шлюпки.

– Капраз сказал ночевать на воде. Медведей на северном острове столько развелось, хоть отстреливай. Беречься велел, – солидно, будто капраз лично передал ему этот приказ, произнёс Павел, бывший матрос с подлодки.

– Да разве это сон будет? – Матвею не нравилось ночевать в шлюпке. В ней было тесно. Ноги и руки сразу же затекали из-за неудобного положения. Ночь проходила в каком-то нервном забытии, отчего наутро появлялось ощущение раздражения и снижение работоспособности.

– Автомат дадут, и пять патронов. Если на берегу будут медведи, велел добыть и страху на них нагнать, чтобы не лезли к людям, – снова поделился конфиденциальной информацией напарник.

– Класс, ещё и медведей на прицепе тащить.

– Шкуру возьмём, да мясо. Мяса мы точно недоедаем, одна рыба да хрень болотная, от которой я чесаться начинаю.

– Мойся чаще, – посоветовал Заремба.

– Это аллергия на водоросли, мне Григорович сказал. Зудящие аллергические высыпания.

– Тогда не мойся вообще.

Павел закатил глаза и продолжил закреплять кожаными тесёмками брезентовую накидку.

– Всё здоровье я с этими рыбалками потерял, – заохал, как старый дед, Павел. – Нет, я серьёзно. На воде холодно и сыро, я потом месяц с соплями хожу, да ещё и спину, бывает, прихватит. Гоняют нас, одиночек, как расходный материал.

– Ладно, не нагнетай, Павел, – не поддержал разговор Матвей. – Знаешь, мы с отцом недавно гуляли вдоль берега, и ему пришла на ум интересная идея.

– Да? У бати твоего времени свободного теперь навалом. Что он там придумал?

– Не завидуй, а то и у тебя будет такой же повод ничего не делать.

– Тьфу-тьфу-тьфу, я просто вспомнил, что у него рука не действует. Не томи, делись.

– Ладно. Мы гуляли вдоль той бухты, куда почти не наносит водоросли.

– Серпанки что ли?

– Да, вдоль неё. Там же выход из неё почти перекрывается мелководьем.

– Ну, это всем известно и что?

– Отец предложил закрыть её камнями от моря, а в самой бухте начать разводить рыбу.

– Какую рыбу?

– Любую, которая питается чем попало, водорослями, отходами, да чем угодно, хоть дохлыми тюленями. Надо до нереста наловить её и выпустить. Мальков потом отсадить отдельно, продержат до следующей весны и выпустить в водоём. Эти тонкости надо с Джейн обсудить. Нам показалось это реальным. Всё лучше, чем надеяться на случай в море.

– Не знаю, трудоёмко это и непонятно как-то, – Павел был из той категории людей, которые всё новое встречали скептически. – Вдруг они жрать начнут друг друга...

– Нет, ну окуня с селёдкой вместе селить не надо, они всех мальков поедят. С умом подойти, по науке. Только представь, что тебе не надо плыть несколько дней, гребя вёслами, за добычей, которую ты, возможно, и не поймаешь?

Павел задумался. Скепсис забавлялся мимическими мышцами на его лице.

– С одной стороны да, удобно, но с другой каждый день на работу ходить, думать, чем накормить эту прорву, а в море они сами за себя думают.

– Ладно, попрошу отца замолвить перед капразом словечко, чтобы оставить тебя в рыбацкой команде. Солёный ветер, брызги в лицо, романтика.

– Нет, ну если дело стоящее, то ну её, эту рыбалку. Мне и в прошлый раз шторма хватило.

Матвей и Павел наконец уложили брезентовый полог в правильную скатку, которую можно было быстро развернуть в случае необходимости. Заремба подошёл и проверил работу.

– Нормально, расходимся.

Команда, которая должна была с утра отправиться на рыбный промысел, разошлась по домам. Для большинства мужчин это был один и тот же дом, считающийся общежитием для холостяков. В нём проживало чуть больше двадцати человек. Спали на самодельных двухъярусных нарах, готовили на одной кухне, поддерживая подобие военного дежурства. Жители называли этот дом казармой или монастырём. Матвею, да и остальным холостякам было

грустно от мысли, что в этом доме когда-нибудь закончится их жизнь, так и не давшая продолжения в потомстве.

Матвей разделся, умылся в свою очередь в общем санузле, перехватил причитающуюся порцию ужина и отправился спать на второй ярус. Были времена, когда он ночевал в доме, где жили родители, Катька с мужем и их маленькие дети. Ему иногда приходилось нянчить племянников, когда у остальных неудачно выпадали смены. То были уютные домашние вечера, от воспоминаний о которых сейчас на душе становилось грустно. Среди жителей посёлка ходила идея о том, что после катастрофы количество женщин и мужчин оказалось таким непропорциональным по причине того, что мужчины должны были доказать своё право обладать женщиной, дабы начать человечество с достойных. Их общежитие, согласно этой теории, выглядело как отстойник для недостойных продолжения рода.

Матвей заснул под невесёлые мысли.

Наутро от тяжёлых мыслей не осталось и следа. Голова была занята предстоящей работой. На берегу уже суетился народ. Капраз Татарчук сам осматривал шлюпки и делал замечания.

– Сети собраны как попало, опять спутаются у вас, в воду придётся лезть, яйца морозить, – по-военному, не церемонясь, делал замечания бывший капитан «Пересвета».

– Так они нам и ни к чему, – не удержался Матвей.

Татарчук оставил без ответа замечание, въедливо разглядывая шлюпки. Забрался в ту, на которой должна находиться команда.

– А это что? А это зачем? – он вынул барахло, которое некоторые пытались взять с собой. – Вы что, на год в поход собираетесь?

– А вдруг обстоятельства? Штормом унесёт в океан или на камни на Северный остров выбросит? – произнёс Павел. Большая часть лишних вещей была его.

– Никуда вас не унесёт, не придумывай. Не было ещё ни одного шторма весной.

– Сплюньте капраз, – суеверно попросил Заремба.

– Иди ты, язычник. Помните, что рыба лишней не будет. Наберёте полный прицеп, складывайте под ноги. Вас ждут голодные рты, смотрящие на вас с надеждой.

– А что если нам отгородить залив в Серпянке и разводить в нём рыбу? – Павел без зазрения совести озвучил идею, рассказанную накануне Матвеем.

Капраз Татарчук посмотрел на него удивлённо.

– Сам придумал?

Павел засуетился, бросая косые взгляды на Матвея. Наверняка у него была мысль прикарманить себе эту идею.

– Н-н-не совсем я, коллективно, с Матвеем, – неуверенно произнёс Павел, чувствуя неловкость за своё враньё, но не желая терять бонусы.

– Удивительно, только вчера мы обсуждали эту тему с Егором. По-моему, мысль стоящая. Место подходящее, работы по перекрытию бухты немного.

– Я тоже так считаю, – расцвёл улыбкой Павел.

Матвей ткнул его локтем в бок.

– Ну ты и говнюк.

– Отстань, – Павел дёрнул рукой.

На пристань вышло не меньше половины жителей посёлка. Отправление рыбаков на сезонную рыбалку было не рядовым событием. А для детей, для которых всё население и было человечеством, а его окрестности всем миром, так и вообще эпичным. Не хватало только оркестра и «Прощания славянки».

Две жёлтые шлюпки отшвартовались от пристани и под дружные гребки старыми дюралевыми вёслами направились в открытый океан. Посёлок скоро скрылся из вида. Небо, как

всегда печально-хмурое, не обещало усиления ветра или проливного дождя. Возможна была мелкая морось или же мокрый снег.

Шли вдоль берега метрах в пятистах от него. Временами натыкались на островки водорослей, на которых чёрно-белыми пятнами, издающими непрерывный крик, селились люрики. Неугомонные птицы при приближении шлюпок взлетали и принимались беспокойно кружить в воздухе, временами изображая пикирующие атаки на рыбаков.

Прибывающиеся к скалистым берегам, занятых чайками, моёвками и другими птицами, образующими колонии, люрики попадали под ожесточённый налёт тревожащихся птиц, не терпящих чужаков в своих угодьях. Матвей, глядя на торжество природы, жутко жалел, что не может снять на камеру и показать людям эти кадры из жизни пернатых.

В первый день они заночевали на берегу. Развели огонь, приготовили на нём ужин, а потом поставили палатку на место костра, согреваясь до половины ночи. Вахты несли по два часа. Матвею досталось с четырёх до шести. Полярная ночь была светла. Медведю вряд ли бы удалось подобраться незамеченным. А автомат в руках давал уверенность в том, что для хищника такая встреча могла окончиться намного хуже, чем для людей.

Сдав смену, Матвей не лёг досыпать положенные перед подъёмом полчаса, развёл костёр и поставил на него воду в котелке.

Заремба, скорчившись, как «братское сердце», от холода, смотрел в глубину острова.

– Садись ближе, согреешься, – предложил ему Матвей.

– Не, не буду, разморит. Не дай бог медведь пожалует.

– Как хочешь, – Матвей зачерпнул деревянным половником парящую воду и отпил. – Сойдёт.

Он отлил часть её в котелок поменьше, бросил в него травы и поставил к огню на землю. Это был чай, одобренный Григоровичем. Вкус у него был душистый и будто бы даже сладковатый. В оставшийся на огне котелок Матвей бросил «обмылок» жира, вытопленного из разных животных и рыб. Белый кусок расплылся в кипятке золотистым слоем по поверхности. Запахло едой. Выудил из мешка нарезанного сушёного медвежьего мяса и кусочки вяленой селёдки и бросил в котелок. Для наполнения бросил брикет водорослей, мгновенно распавшийся в кипятке на отдельные листочки. Затем посолил. Через пять минут походный суп был готов.

Команда проснулась на запах. В палатке уже не было так тепло, как с вечера, так что вылёживаться подольше интереса не было никакого. Позавтракали и стали собираться в путь. В планах на этот день было достичь большой отмели, по которой определяли, как далеко ушла рыба на север. Птицы, преимущественно чайки, использовали отмель в качестве стартового аэродрома на пути к косякам рыбы. Если на отмели птиц было много, это значило, что рыба рядом, а если мало, то надо было рассчитывать ещё на одни сутки движения на север.

На вёслах время поначалу шло быстро, пока не чувствовалось усталости. К вечеру вахта на вёслах превращалась в пытку. Уже и кисти не держали вёсла, поясница натружено болела.

– Парус надо! – не выдержал первым Павел. – Сколько собирались ставить и всё никак.

– А ты придумай, как его закрепить на этой шлюпке. Как придумаешь, так и поставим, – окоротил его Перелыгин, поставленный в команду главным.

Павел недовольно забубнил себе под нос.

– Терпи, до острова немного осталось, – успокоил Матвей уставшего товарища.

– Да терплю я, терплю, – Павел налёг на вёсла, чтобы показать всем, что он не такой уж и нытик.

Остальные последовали его примеру, делая последний рывок, как спортсмены перед финишем. Спустя десять минут Перелыгин радостно возвестил:

– Земля! Вижу птичью активность.

Команда облегчённо вздохнула и ослабила нажим. Галечная отмель приближалась. Стали слышны птичьи крики. Склонные пернатые всегда находили повод покричать друг на друга.

При приближении людей они сменили интонацию. Ближние птицы взлетели в воздух и закружили над головами рыбаков.

– Рыба рядом, – понял Матвей по количеству птиц на отмели.

– Слава Богу, – Павел отбросил весло и размял онемевшие пальцы. – Вернусь, первым делом пойду к капризу проситься на строительство плотины в бухте.

– Так он тебя может ещё и инженером возьмёт, такого смекалистого, – поддел его Заремба.

– Могу и инженером.

– Только парус сперва на шлюпку поставь.

– Нафига тогда нам парус? Ну его, это море, вообще, один радикулит. Сделаем сачки и будем грести рыбу, всегда свежую, а не эти шнурки сушёные.

Дно первой шлюпки зашуршало по гальке, но проскочило отмель. Перелыгин взял в руки свободное весло и промерил им дно спереди. Оно ушло больше чем наполовину прежде, чем достало дна. До отмели было ещё метров пятьдесят.

– Неохота мочить ноги, – Перелыгин всмотрелся в воду, чтобы разглядеть дно. – Стоп! – выкрикнул он внезапно.

Команда подняла вёсла, удивлённо уставившись на главного.

– Зачем? – спросил Матвей и перегнулся через борт.

– В воде что-то есть, – Перелыгин остановил шлюпку, упёршись веслом в дно.

Сквозь толщу не совсем прозрачной воды темнел какой-то предмет явно искусственного происхождения. Игнорировать артефакты из близкого прошлого считалось крайней глупостью. Перелыгин, забыв своё нежелание не намочить ног, перепрыгнул через борт, оказавшись по пояс в воде. Опустил руки в воду и, поднапрягшись, вытащил край предмета наружу. Сразу определить его предназначение не удалось. Матвей спрыгнул следом и помог Перелыгину поднять из воды историческую вещь полностью.

Это было что-то тяжёлое, плоское, почти прямоугольное, покрытое ракушками. В предмете угадывалась изначальная форма, напоминающая дверь, только сильно деформированная ударом.

– Мужики, гребите к берегу, а мы с Матвеем донесём, – скомандовал Перелыгин.

Чайки, громко возмущаясь, поднялись в воздух, освободив людям загаженный островок.

– На раз, два, три бросаем, – предупредил Перелыгин, чтобы невзначай не зашибить товарища.

– Понял.

– Раз, два, три.

Предмет глухо упал на гальку. Он точно был похож на дверь, только не из жилой квартиры, а будто бы с военного корабля. Оставшийся массивный кусок ручки из железа намекал на вид целой конструкции.

– Павел, отбей ракушки, а мы пока с Матвеем штаны выжмем, – распорядился Перелыгин.

Павел залез в шлюпку, вынул из неё топорик и принялся сбивать наросты. Чем больше он очищал, тем понятнее становилось, что первоначальная догадка верна. Это была дверь, пострадавшая от сильного удара. Остатки петель, на которых она висела, ещё можно было угадать.

– Странно, на этих широтах урагана почти не было, только шторма, а эту будто выбило чем-то тяжёлым, – Матвей, с голыми ногами, но в полной экипировке выше пояса внимательно разглядывал найденный артефакт.

– Если это был транспортный корабль, то дверь могло выбить грузом, – решил Павел.

– Могло, – согласился Матвей. – Ну-ка стой, – он остановил руку замахнувшегося топором Павла.

Внимание его привлекла почти неотличимая от остальной поверхности табличка. Матвей принялся аккуратно очищать её от загрязнения. Поддевал ракушки ногтем, а если они не поддавались, аккуратно подковыривал их лезвием ножа, который всегда носил при себе. У него ушло минут пятнадцать на то, чтобы освободить её от всего, что прилипло за двадцать лет. Матвей смыл оставшуюся грязь водой и промочил влагу рукавом куртки.

На табличке была едва читаемая надпись: «Ледокол Север».

Глава 2

Джону и самому начало казаться, что их общину прокляли. Непонятно кто и за что. В последнее время всё шло не так, как планировалось. Всё началось с раскола. Выживший из ума помощник капитана Брайан Панчезе, после того, как ударился головой о камень, вдруг решил, что место, на котором основали поселение, проклято. Он начал вещать якобы от имени самого ангела-хранителя, настаивающего срочно покинуть обжитую местность. Как нарочно, после его безумных тирад случилось землетрясение. Ничего разрушено не было, так как все постройки были невысокими и сделаны из бревенчатого леса, но жителей напугало изрядно. А совсем недавно вернулись охотники с симптомами опасной болезни.

Коннелли не мог и представить более удачное местоположение, чем то, где они сейчас находились. Уютная, закрытая скалами от ветров бухта, в которую свободно заходила «Монтана». Реки, берущие начало в горах, питаемые чистой дождевой водой, выносили грязь из бухты, не давая ей застаиваться. Заболачиваемые водоёмы стали настоящим бедствием после катастрофы. Их было множество в округе, исторгающих вонь гниющей органики. Но пятючок земли, на котором основали поселение, выглядел настоящим райским садом, дарованным людям, пережившим катастрофу.

Джон Коннелли покинул свою часть дома, посмотрел на просвечивающее сквозь тучи солнце, вздохнул и направился к госпиталю, расположившемуся выше поселения, метрах в двухстах. Нужда в изоляторе появилась после того, как шестеро охотников заразились странной болезнью, похожей на чуму. Чтобы не подвергать риску и без того немногочисленное население, их поселили в каменной расщелине, уложив на наскоро собранный бревенчатый щит. Врач с «Монтаны» Сэм Паликовски осторожно намекнул Джону, что в случае летального исхода придётся сжечь трупы вместе со щитом. Как бы кошунственно это не звучало, поступить так было правильно.

Джон поднялся по «козьей» тропе наверх. Паликовски дежурил подле больных, натянув на себя противогаз и резиновые перчатки от костюма химзащиты. Увидев капитана, он помахал рукой.

– Какие новости? – громко спросил Коннелли, уверенный, что в противогазе слышно плохо.

Сэм отошёл от больных снял противогаз и перчатки, окунул их в чан с кипятком, после чего отложил в сторону. После всех процедур он направился к Джону.

– Один готов, – коротко сообщил он.

– Кто? – на душе капитана сразу стало невыносимо тяжело.

– Олбрайт.

– Чёрт, – Коннелли притопнул ногой от досады. – Надо сообщить жене.

У Олбрайта родилось пятеро детей и все как на подбор смыслённые. Супругу теперь можно было снова отдать замуж, благо одиноких мужчин в поселении было достаточно. Однако траур и общее ухудшение настроения жителей посёлка в результате смерти достойного человека были обеспечены. Люди были сейчас самым важным ресурсом, дающим надежду на то, что спустя несколько поколений человечество ещё будет существовать.

– Остальные как? – Джон, надеясь на лучшие новости, посмотрел в глаза врача.

Тот красноречиво отвёл взгляд.

– Тёрни на подходе. Жар внезапно спал, так же, как и у Олбрайта перед смертью.

– Сэм, сделай что-нибудь, ты же врач?

– Джон, если это чума, у нас нет лекарств. У нас вообще нет никаких лекарств, кроме таблеток от кашля и морской болезни. Всё, что было, давно закончилось. Мы же сами договорились, антибиотики и прочее – только для детей. Я сейчас пытаюсь получить зелёную плесень

на остатках еды, в надежде, что это будет пенициллин, но мне нужно время. Пока же я уповаю на силу организмов наших парней, на удачу и на Бога.

– А может это не чума, Сэм? Откуда ей взяться? – Коннелли хотел иметь хоть какую-нибудь причину не терять надежду на лучший исход.

– Может и не чума. Я в жизни не видел заболевшего чумой человека, но нам от этого не легче, если люди будут вот так умирать, – врач показал рукой в сторону щита. – Это точно не грипп, не ангина, хотя симптомы на первых порах имелись. Лимфоузлы слишком увеличены, с теннисный мяч – и подчелюстные и околоушные.

– Почему?

– Вероятно, зараза проникла в организм вместе с пищей. Либо мясо ели сырое, либо руки не мыли. Только у Олбрайта симптомы немного отличались. Язвы на кисти, поэтому у него лимфоузел увеличился в подмышке.

– А ты с ними говорил, Сэм? Может, они знают, отчего у них такое?

– Говорил. Всё, как обычно, они ставили силки на пищу, наловили, потом на ужин приготовили парочку, съели, а утром началось.

– Получается, разносчики – пищухи?

– Не знаю, капитан. Мы все их ели и едим, и не заболели. Надо бы осмотреть место стоянки и весь маршрут, который они прошли накануне. Я предполагаю, что ураган разорил могильник с чумной палочкой. Кто-то из животных подхватил её, заразил своих собратьев, а потом попал на зуб нашим парням.

– Нет. Я не хочу верить в такое. Вероятность же совсем невелика, чтобы спустя столько лет после катастрофы она вдруг объявилась на том месте, где живут почти единственно выжившие люди.

– А может, мы зря выжили? Что если мы не входили в планы Бога по новому заселению планеты?

– Это всё философия, Сэм.

– Надень противогаз, капитан, и сам глянь на симптомы, а потом я дам прочитать тебе свою энциклопедию, чтобы отпали последние сомнения.

Уверенность врача в том, что заболевшие заразились именно чумой передалась и капитану.

– Как не заразиться остальным?

– Не контактировать с больными, не есть сырое или термически плохо обработанное мясо, мыть руки и не давать себя кусать кровососущим насекомым. Они запросто могут оказаться разносчиками заразы.

– Ох, – Коннелли сел на камень. – А вот с этим бороться не получится. Они же вездесущи, они же залезут куда угодно. Беда.

Капитан огляделся и замахал руками, отгоняя мошкар.

– Можно окуривать дома перед сном, – предложил врач.

– Идея хорошая, только с максимальной осторожностью, чтобы не сжечь их.

– Само собой. Иди, Джон, предупреди всех, чтобы опасались мошкар, а я пока полистаю энциклопедию.

Коннелли с готовностью направился вниз. Ему подумалось, что концентрация переносчиков из числа летучих насекомых рядом с больными особенно велика. Паликовски надел противогаз и перчатки и поднялся к больным.

– Джон! – крикнул он вдогонку капитану.

Тот остановился.

– Тёрни всё! – крикнул врач.

– Ммм, чёрт, – Коннелли скрипнул зубами и махнул рукой Сэму.

Тёрни был одинок, поэтому тяжёлой процедуры извещения семьи не требовалось. Однако его капитану почему-то было жаль сильнее, чем Олбрайта. После Тёрни ничего не осталось, кроме памяти, которая сотрётся совсем скоро.

Джон направился к вдове Олбрайта. Она работала у воды, в коллективе женщин, занятых выделкой кожи. Капитан подошёл к работницам и не смог сразу озвучить причину своего появления.

– Что, босс, с проверкой? – спросила Мария, старшая в коллективе.

– М-м-м, нет. Лупита... – Джон осёкся.

Женщина сразу поняла про мужа. Она растерянно поднялась, выронив шкуру пищухи и деревянный инструмент из рук.

– Айвен? – обречённо произнесла она имя мужа.

– Да. Он умер недавно. И Тёрни, несколько минут назад.

Слёзы брызнули из глаз жены Олбрайта. Женщина села на землю и забилась в рыданиях. Подруги бросились её успокаивать.

– Лупита, мы всё сделаем для тебя, ты ни в чём не будешь нуждаться, – Джон понимал, что его слова сейчас не к месту, но по протоколу он был обязан хоть как-то успокоить её.

Мария махнула капитану, чтобы он уходил. Джону того и надо было. Он не находил слов поддержки и вообще чувствовал себя, как гонец с дурными известиями, от которого хочется избавиться. У него сейчас было не менее важное дело – оповестить людей о необходимости остерегаться заражения чумой. Капитан покинул женщин и направился к «гонгу» – куску трубы, ударами в который начинали общее собрание жителей.

У площади, имеющей шуточное название «Капитолий», тёрлась стайка мальчишек, не знающих приложения своим силам.

– А ну бегом по домам, зовите своих родителей! Скажите, капитану есть что им сказать, – зычно прикрикнул на мелюзгу Коннелли.

Пацаны вначале замерли, реагируя на интонацию, а потом шумно разбежались. Джон взял кусок железа и несколько раз ударил в «гонг». Металлический звон разнёсся по округе, отражаясь эхом. Через минуту стал собираться народ. Коннелли ждал, когда соберётся побольше, чтобы не рассказывать по многу раз. Днём в посёлке народ всегда был занят работой, поэтому не мог так просто всё бросить и прийти.

– Что стряслось, капитан?

– Это из-за охотников?

– Что с ними?

Народ, в основном женщины, чьи мужья были среди тех несчастных, спрашивали громче всех. А когда появились женщины из числа тех, что были с Лупитой, женой Олбрайта, по толпе пошёл шёпот. Джон решил, что ждать больше не имеет смысла.

– Народ, чтобы не дать разползтись слухам, благодаря имеющимся среди нас мастерам сочинять, начну с главного. Наши охотники подцепили чуму. Да, да, средневековую заразу, выкашивавшую наших предков подчистую. Мы сейчас примерно в тех же условиях. Медицина ни к чёрту, лекарства закончились, Сэм что-то старается придумать, пытается получить пенициллин из плесени, но пока результата нет.

Народ тревожно монотонно загудел. Джон прислушался к обрывкам фраз, чтобы понять реакцию, затем продолжил:

– Я надеюсь, что заражёнными охотниками всё и закончится. Чтобы не дать чуме разползтись среди нас, надо всего лишь выполнять следующие правила: не контактировать с больными, не есть сырого мяса, мыть руки и не давать себя кусать комарам и прочей летающей нечисти.

– Да как же не давать кусать? Они же не спрашивают, лезут и в дом, и под одежду.

– Значит так, дома перед сном обработать дымом. Наберёте влажных опилок, чтобы только тлели, и окурите. Мошкара на дым лезть не будет. И сами заодно провоняетесь, так что никто к вам не подлетит. Понятно?

Народ загудел, вроде и недовольно, но куда было деваться.

– А что, это правда про Олбрайта и Тёрни?

– Да, Олбрайт и Тёрни умерли. Тёрни полчаса назад, Олбрайт раньше, – капитан замолчал, и народ вместе с ним.

Получилось так, будто с ними простились молчанием.

– Чтобы не допустить распространения чумы, покойники будут сожжены. И так будет со всеми. Безопасность нашей общины – это почти общемировая забота. Не понимаю, за что нам дано это испытание, нас и так мало, но видимо Господь хочет донести до нас что-то важное. Умение бороться с проблемами поможет нам стать тем народом, которому по силам будет всё.

Коннелли добавил пафоса. Иногда он всё ещё чувствовал себя капитаном подводной лодки, защищающим интересы большой страны.

– Вечером попрошу Сэма провести небольшой ликбез по чуме, чтобы вы знали врага в лицо. На этом всё. Если есть вопросы...

– Капитан, нам надо переносить поселение в другое место, – подал голос Брайан Панчезе. – Это место проклято.

Коннелли скривился как от зубной боли.

– Мы с тобой уже не раз говорили на эту тему, Брайан. Заканчивай вещать ахиною. Лучше этой бухты нет на всём побережье Аляски. Кругом болота, вонь, ступить некуда.

– На севере земли открытые, мы же сами видели. И животных на них тоже.

– Животных никто не видел, кроме тебя. Там такие же скалы, отшлифованные ветром до зеркального блеска. Там нечего есть, там не на чём выращивать растения, там ветра и дожди.

– Я видел оленя! – взгляд Панчезе наполнился гневом.

– Хорошо, ты видел оленя, но это мог быть олень Санты, – Коннелли не удержался, чтобы не поддеть, как он считал, тронутого умом Панчезе.

– Ах! – обиженный мужчина махнул рукой, развернулся и ушёл.

– Я понимаю, ему голоса шепчут, но нам с вами надо быть реалистами. Кто-нибудь задумывался о том, что у нас неподходящее место для жизни?

Народ зашумел.

– У нас идеальное место!

– Отсюда никуда не поеду, заново отстраиваться не хочу.

– Да нам повезло, что мы его нашли. Это была рука Господа.

– Вот именно, а Панчезе на ухо шепчут разные демоны, которые только и мечтают, чтобы укокошить род человеческий.

В среде женщин сильны были христианские мировоззрения, потому как по большей части они в прошлом были монашками из мексиканского женского монастыря и любое событие рассматривали через призму богоугодности, предпочитая во всём видеть знаки свыше.

– Тогда те, кто желает остаться, расходятся по рабочим местам. Вечером, после работы, соберёмся на отходную молитву.

Капитан не стал ждать, когда все разойдутся. Вернулся в свою часть дома, отгороженную от остальных комнат ширмой, сел на деревянный настил, исполнявший роль кровати и откинулся к стене. Такого морального напряжения он не испытывал давно. Над общиной нависла серьёзная опасность уничтожения, противостоять которой он не знал как. Враг был невидим, против него не имелось никакого оружия, кроме надежды на удачное стечение обстоятельств.

Коннелли на всякий случай ощупал лимфоузлы под нижней челюстью, под мышками, рассмотрел руки на свет. Они стали старыми, сухими, совсем не похожими на прежние руки

капитана подводной лодки, но признаков начинающейся чумы он на них не заметил. Хотелось жить и радоваться, но природа никак не могла оставить их в покое.

Капитан довольно долго просидел неподвижно и даже задремал. Проснулся от ощущения, будто он снова на подводной лодке, идущей в надводном положении. Он открыл глаза. Портрет его семьи, который он принёс из своей каюты с подводной лодки, раскачивался на стене. Стены дома скрипели. С улицы доносились приглушённые причитания. Мозг, выгоняя из себя остатки сна, наконец-то понял, что снова случилось землетрясение.

Капитан выскочил на улицу. Вода в бухте ходила волнами, колотя бортами друг о друга «Монтану» и ржавое корыто «Изольту». Земля стонала, трещала, выстреливала как пушка новыми разломами, образующимися среди скал. Землетрясение длилось около трёх минут, после чего резко затихло. И только вода в бухте не могла сразу успокоиться. Стук бортов раздавался ещё некоторое время.

Коннелли закрыл глаза, сжал кулаки и мысленно обратился к Богу.

– За что?

Бог не ответил. Капитан даже позавидовал Панчезе, которому голоса что-то там говорили, вселяя своему носителю уверенность. Он тоже хотел, чтобы у него был голос, который точно знает, что надо делать и чего стоит ждать.

Вечерело. С гор потёк вниз холодный воздух, оседая в низинах продирающим до костей промозглым туманом. Народ собрался на Капитолии, чтобы помянуть усопших. Монашки принялись читать на испанском тексты из Библии, стоя со свечами перед книгой, привезённой из монастыря. Народ внимал молча. Вдова, с опухшими от слёз глазами, не моргая, смотрела на свечу. Дети суежились вокруг неё. Старшие плакали.

Капитан после окончания молебна дал знак свечой Паликовски, чтобы тот начал процедуру сожжения усопших. Жаркий огонь, вспыхнувший над облитыми соляжкой покойниками, вызвал у вдовы бесшумные рыдания. Капитан посчитал, что сейчас он должен быть рядом с ней. Подошёл к женщине и погладил её трясущуюся спину. Она вздрогнула, подняв глаза, в которых отражался огонь скорбного безумства.

– Панчезе прав, это место проклято. Нас всех постигнет та же участь. Это не рай, это ад, маскирующийся под него, – выдала она, огорошив капитана.

Женщины кинулись успокаивать Лупиту.

– Лупита, время вылечит твои раны. Тебе детей надо вырастить, а здесь у нас еда и жильё, всё налажено.

Коннелли, не найдя что сказать, незаметно удалился от страдающей вдовы и её подруг. Когда он обернулся, то увидел, что она смотрит на него, не сводя глаз, что в свете горящих свечей выглядело дьявольски. Его передёрнуло. Женщина явно считала, что он виноват в смерти мужа. Конечно, он нёс ответственность за всех, но нынешние обстоятельства были уникальными, их никто не рассматривал. Вероятность заражения чумой была примерно такой же, как получить метеоритом по темечку. Лупите требовалось время, чтобы понять, что в смерти мужа вины Коннелли не было.

Похоронный огонь догорел. Паликовски спустился вниз и на ухо сообщил капитану о том, что останки прогорели достаточно хорошо, чтобы не переживать о том, что ветер и птицы разнесут заразу.

– А что больные, они как?

– Почти без изменений. Состояние стабильно тяжёлое. Бредят, просят пить. Я им скормил с водой первую порцию плесени. Завтра посмотрим, будет ли результат.

– Чёрт, Сэм, я уже боюсь этого завтра. У нас что ни день, то новая неприятность.

– Всё будет хорошо, капитан. Вам надо выспаться по-настоящему, ни о чём не думая, разгрузив мозг. Он ведь так устроен, что чем больше устаёт, тем больше видит плохого вокруг. Даже там, где его нет.

– Твои бы слова да Богу в уши.
– Я могу дать вам таблетку для сна.
– Конечно, опять ты со своим плацебо. Я в прошлый раз глаз не сомкнул, всё ждал, когда захочу спать. А вместо этого бегал на улицу, мочился каждые четверть часа.
– Да, в тот раз я дал маху. Подумал, что у мочегонных давно истёк срок годности.
– Истёк, как и у меня, поэтому они и сработали.
– С нашей медициной пятнадцатого года после начала новых времён можно действовать только внушением. Поэтому, я внушаю вам, капитан, что хороший сон поможет вам найти в себе силы для оптимизма, и свежие идеи для управления общиной.
– Спасибо, Сэм, а тебе найти лекарство от чумы.
– Этим я и собираюсь заняться. Пойду на «Монтану», полистаю книжки, может, наткнусться на что-нибудь.

– Было бы здорово, Сэм.
– Само собой, Джон.
– Давай, спокойной ночи.
– До утра.

Обнадёженный и даже заряженный оптимизмом врача Джон лёг спать. Он почти не крутился, уснул сразу, поверив в то, что хороший сон поможет ему завтра разобраться со всеми проблемами.

Однако случиться запланированному не удалось. Посреди ночи капитана разбудил звук работающего дизеля «Изольды». Кому-то без его распоряжения понадобилось судно. Чувствуя недоброе, Джон выскочил из дома. Корабль уходил от берега в сторону открытой воды.

– Капитан! Джон! – навстречу бежал Паликовски, подсвечивающий себе путь фонарём. – Это Панчезе!

Врач подбежал и схватился за правый бок, тяжело дыша.

– Куда он? Зачем ему «Изольда»? – до Коннелли дошло, что тронувшийся умом мужчина решил воплотить свои угрозы.

– Он не один, – дыхание у врача сбилось, и он не смог сразу продолжить.
– Кто? Кто ещё с ним?
– Вдова Олбрайт... с детьми... Крузы всей семьёй и... Макартуры.
– Они что, все с катушек съехали? Зачем им это? Почему ты их не остановил?
– Я не успел. Я увидел их, когда они уже были на «Изольде». Они сказали, что Брайан предупреждал их об этом.

– Вот досада! – Коннелли сжал кулаки, мысленно представляя, как разминает их о лицо Панчезе. – Он же угробит судно. Он ни одного фарватера не знает.

– Может, вернуться? Хлебнут проблем и изменят своё решение.
– Нет уж, корабль верну, а этих предателей никогда.

Коннелли представил, как это событие пошатнет его авторитет среди жителей посёлка. Он не стремился поддерживать его любыми путями и всегда готов был уступить место главного любому человеку, который справился бы с обязанностями руководителя лучше него. Только такого человека не было. А вот слабый авторитет мог привести к потере порядка, и даже к скрытому саботажу. Народ во все времена не любил слабых руководителей.

Если Панчезе не одумается, или, не дай Бог, потопит судно, то у них больше не останется возможности отправиться в поход к Новой Земле, к русскому посёлку. Капитан всеми силами души не желал изоляции двух центров цивилизации, считая, что это приведёт к большим различиям, которые выльются во враждебность в будущем. «Изольда» также служила отличным средством для рыбалки, но её могли заменить плоты. Реактор «Монтаны» работал из последних сил. Топливо, остатки которого дорабатывали последние годы, экономили, чтобы чувствовать себя ещё связанным с прошлым, с эпохой технического расцвета.

– Джон, а нельзя ли послать за ними лодку? – Сэм кивнул в сторону «Монтаны».

– Нет, топлива хватит лишь на несколько оборотов винтов. Никто не обслуживал механизмы уже года два. Разве что торпедировать, пока не ушли далеко.

– Не надо, Джон, – Паликовски поверил мрачной интонации капитана.

– Я шучу, – признался капитан.

Он отдал распоряжение рыбакам отправиться вслед за «Изольдой», проверить, не налетела ли она на камни и не села ли на мель. Событие всполошило посёлок. Народ смотрел вслед судну, исчезающему на фоне светлеющего горизонта, провожая его, как последнюю надежду, связывающую их с остальным миром. Отовсюду слышались панические разговоры. Капитан делал вид, что не слышит их.

Он вернулся к дому, где его ждал Паликовски.

– Почему не идёшь спать? – спросил он врача, уверенный, что тот сегодня ещё не ложился.

– Я забыл о главном сказать из-за этого, – он махнул рукой в сторону, в которой исчезла «Изольда».

Капитан внутренне напрягся, чувствуя, что сейчас ему вывалят ещё одну неприятность.

– Говори уже, – нетерпеливо попросил он врача.

– Я полистал литературу, и понял, что это не чума. Это туляремия. Симптомы схожие.

– Фух, слава богу. Она лечится?

– Ну, для её лечения у нас столько же лекарств, сколько и для лечения чумы. Нисколько.

– Утешил. Но ты же что-нибудь придумал? – с надеждой спросил Коннелли.

– Я могу сделать вакцину и привить всех жителей посёлка. Это даст нам иммунитет на пять лет.

– Да ты что, Сэм! – Коннелли хлопнул врача по плечу, забыв на время про «Изольду». – Когда будет готова вакцина?

– Думаю, к обеду получим первые образцы, если приступим сейчас же.

– Ты – Авиценна современности! Сэм, ты мегадоктор! Я в тебя всегда верил, – глаза Джона загорелись оптимизмом. – Идём, я напою тебя крепким отваром, чтобы ты не упал без сил.

Коннелли разжёг огонь на общей кухне, поставил котелок с водой и стал ждать, когда закипит вода. Сэм в ожидании прислонился к стене и заснул. Джон, пока его никто не видит, сложил руки в молитве и несколько минут благодарил Бога за то, что болезнь оказалась не чумой. Он был убеждён, что платой за это стала «Изольда» и он принял её, посчитав, что Панчезе и те, кто с ним ушли, были для посёлка вредны.

– Сэм, Сэм, – капитан осторожно дотронулся до руки врача. Горячий напиток был готов. Сон в данных обстоятельствах казался ему чрезмерной роскошью.

Врач резко открыл глаза и выпрямился.

– Долго я спал?

– Полчаса, не больше.

– Выспался, как будто всю ночь спал, – он взял деревянную кружку в руки и понюхал пар. – Элеутерококк?

– Да.

– Помнится, входит в состав препарата для того, чтобы спровоцировать быка чаще запрыгивать на коров.

– Этого я не знал, но меня запрыгивать на коров он не провоцирует, а вот сил придаёт.

– А я о том и говорю, – Паликовски подул и отхлебнул. – Бодрит.

Они с десяток минут молча пили чай, сопя и шмыгая носом.

– Как делается вакцина? – спросил капитан.

– Увидишь, – Сэм не стал вдаваться в подробности.

Через полчаса они стояли наверху. Дежурная «медсестра» отчиталась, что все больные живы. Когда удовлетворённый ответом врач отпустил её, женщина сняла с себя одежду, бросила её в чан с кипятком, сама помылась и переделалась в домашнее.

– Иди, отдыхай, – отправил её врач.

– Хорошо, – смуглая мексиканка шустро побежала по извилистой тропинке вниз.

Паликовски не стал одеваться в химзащиту, демонстрируя свою уверенность в новом диагнозе. Он полез в свой чемодан с медицинским инструментом. Выбрал долото для ломания неправильно сросшихся костей и положил острый край в огонь.

– Для чего это, Сэм? – спросил Джон.

– Увидишь, – врач снова не стал делать никаких анонсов, заинтриговав капитана.

Край инструмента раскалился. Сэм взял его тряпкой за горячую ручку и направился к первому больному, пребывающему то ли во сне, то ли без сознания. Закатал ему штанину выше колена и приложил горячий конец долота к голени. Больной дёрнул ногой.

– Чщ-щ-щ-щ, – Паликовски прижал ему ногу к полу и подул на ожог.

– Сэм, ты что творишь? – капитан готов был решить, что у врача поехала крыша.

– Спокойно, Джон, медицина бывает безжалостна к одним ради спасения других.

– Я вижу, и не могу понять, что за обряд ты производишь?

– Я хочу получить серозную жидкость на месте ожога, в которой будет находиться возбудитель туляремии в мёртвом или ослабленном состоянии. Мне нужен волдырь. Нормальный волдырь с хорошим количеством жидкости. Другого способа получить вакцину я не знаю.

Паликовски прижёт и вторую ногу больному, затем всем остальным. Охотники пытались протестовать, но врач убеждал их терпеть и не пытаться дотрагиваться до ожога, чтобы не прорвать набухающий волдырь.

– Как их состояние? – спросил Коннелли, когда Сэм закончил экзекуцию.

– Кажется, пошло на лад. Присматривай за ними, а я пока наскребу им ещё плесени.

– Я не заражусь? – испугался Джон.

– Нет, – отрезал Сэм.

Посёлок проснулся. Народ расходился по местам работы. С высоты это было хорошо видно. После полудня Джон хотел собрать людей и сообщить о всеобщей вакцинации. Это должно было как-то компенсировать потерю «Изольды» и трёх семей.

Розовые волдыри набухли размером в голубиное яйцо. Сэм взял пластиковый шприц, проткнул волдырь и вытянул из него всю жидкость. Внутри шприца она отсвечивала жёлтым.

– Для прививания достаточно надреза на коже. Это поможет нам сэкономить вакцину. Начнём с себя?

– Да, я готов.

– Мне нужно твоё плечо, – попросил Паликовски.

Джон скинул с себя одежду. Его немного трясло от утренней свежести и волнения. Хотелось полностью довериться опыту корабельного врача.

– Не трясись, – попросил Сэм. – Это не больно.

Он сделал надрезы крест-накрест на плече, как для игры в «крестики-нолики» и выпустил одну каплю жидкости из шприца на разрезанную плоть.

– Выглядит так, будто я добровольно согласился принять мученическую смерть, – признался капитан.

– Нет, ты добровольно согласился в течение пяти лет не проваривать до конца мясо грызунов, подставлять им пальцы для укуса и всё такое без опасных последствий, в отличие от них, – Сэм имел в виду четверых охотников.

Ту же процедуру Паликовски проделал с собой.

– Может, стоит подождать окончания инкубационного периода? – предложил капитан, не настолько уверенный в успехе дела.

– Вакцина столько не выдержит, да и не можем мы рисковать людьми. Сам видишь, треть заражённых умерла. Профилактика всегда лучше лечения.

– Убедил. Иду на Капитолий. Начинать будем с детей?

– Да, их привьём в первую очередь. Собери ещё волонтеров из тех, кто сможет мне помочь.

– Хорошо, Сэм.

Новость про вакцину восприняли с энтузиазмом и даже с восторгом. Джон показывал всем надрезы, объясняя про механизм выработки антител при попадании ослабленных возбудителей болезни в рану. Как он и ожидал, страх смерти оказался сильнее дурного поступка Панчезе.

Вакцинация продолжилась до тёмного времени суток. Приходилось делать перерывы, чтобы народ, занятый на отдалённых участках по добыче древесины, вернулся в посёлок. Сэм Паликовски, сделав последнюю прививку, упал без сил и уснул прямо на деревянном щите, на котором лежали больные. Его заботливо укрыли, чтобы он не продрог ночью. Теперь оставалось ждать и надеяться, что вакцина окажется именно тем, чем нужно.

Рыбаки, отправленные вдогонку за «Изольдой» вернулись ни с чем. Судно скрылось, не сев ни на камни, ни на мель. Зато в открытом море рыбаки нарвались на кита, сделавшего вокруг них круг почёта. Выжившее гигантское млекопитающее символично указывало на то, что морская фауна существует в достаточном для прокорма такого организма количестве.

Большая часть жителей общины решила, что время дурных событий закончилось. Без Панчезе некому было сбивать с толку мечущихся в поиске жизненной опоры обывателей. Джон снова почувствовал в себе огонь руководителя, намечая очередные вехи развития общины. На носу была зима. Чтобы её пережить, необходимо было использовать каждый день с максимальной отдачей.

Выздоровевшие охотники встали на ноги. Если бы не следы от язв и изменившиеся голоса из-за некроза миндалин, можно было бы сказать, что они ничуть не хуже, чем были до болезни. Сэм Паликовски заслужил себе такой авторитет врача, что решено было открыть под его началом медицинские курсы, чтобы передать знания.

Сентябрь выдался тёплым, позволяя насушить мяса впрок. Джон Коннелли часто поглядывал в сторону морского горизонта, ожидая возвращения раскаивающихся беглецов. Горизонт был чист. Рано или поздно они всё равно должны были вернуться. Не обладая достаточным количеством людей для разных видов работ, он считал, что беглецов непременно ждёт деградация. У них не было топлива, жилья, инструмента, необходимого для его постройки. Их поступок был чистой воды сумасбродством.

А во второй половине первого месяца осени случилось событие, вновь заставившее сомневаться в том, что чёрная полоса закончилась. Снова случилось землетрясение, кратковременное, но мощное. От посёлка в бухту протянулась узкая трещина, сразу же наполнившаяся водой. Стихия напугала жителей, но настоящий страх пришлось испытать немного позже.

Вернувшиеся с охоты мужчины рассказали о том, что озеро, появившееся во время катастрофы, в результате обвала, закрывшего стекающую воду, готово разрушить стены, по которым после землетрясения пошли трещины. Озеро находилось в двух милях выше посёлка. В случае разрушения стёны долины могли стать руслом для селевого потока, направив его прямо на посёлок. Охотники рассказали, что вода уже сочится во многих местах, а испытывающие нагрузку стены стонут под напором воды.

Чтобы воочию убедиться в этом, Джон Коннелли лично отправился осмотреть местность. Ему не хотелось верить охотникам, имеющим обыкновение преувеличивать не только собственные трофеи, но и проблемы. Путь до озера, несмотря на небольшое расстояние, оказался тяжёлым. Полное отсутствие троп, крутые стены и частые осыпи. Капитан был уже не молод для прыти горного козла.

Ещё за пару сотен метров до цели он понял, что проблема есть. По дну ущелья бежала тёмная илистая река, которой ещё день назад не было. Она не доходила до посёлка, теряясь в камнях и разбиваясь на мелкие ручейки. Джон с опаской поднимался выше, не сводя глаз с искусственной дамбы, закрывающей проход воде. Наружная сторона её была мокрой от многочисленных потёков. Миллионы тонн породы сдерживали миллионы кубических метров воды, но, похоже, паритету приходил конец. Вода одерживала верх.

Как по заказу, над головой Коннелли раздался резкий щелчок, похожий на ружейный выстрел. Ногам передалась вибрация от горной породы. Сверху загрохотали падающие камни. Джону показалось, что они катятся прямо на него, и он собрался бежать в сторону, но охотник удержал его.

– Нет, это мимо, капитан. Смотрите, оттуда бьёт вода, – он показал наверх.

Джон задрал голову. Действительно, из каменной стены била тонкая струя грязной воды. Теперь до Коннелли дошло, что пятнадцать лет, потраченные на обустройство в этом месте, прожиты напрасно. Если вода нашла себе прямой проход, то ждать полного разрушения стены осталось недолго.

– Надо уходить, – обречённо произнёс он.

– Отсюда? – переспросил охотник.

– Надо переносить посёлок в другое место.

Глава 3

Искрящийся под полярным солнцем лёд слепил глаза. Без солнцезащитных очков можно было запросто схлопотать «снежную слепоту» и маяться в темноте яркими пятнами, возникающими в глазах из-за ожога сетчатки. С другой стороны, смотреть больше было не на что. От горизонта до горизонта сплошное ледяное поле, и только тёмная полоса открытой воды, остающаяся позади ледокола «Север», контрастировала с бескрайней белизной.

Судно могучим оранжевым корпусом проминало лёд метровой толщины. От носа судна доносился нескончаемый гром и грохот лопающегося и ломающегося льда. Сотни гостей в ярких куртках и шапках заняли места у бортов ближе к носу, снимая на всё, что может снимать, процесс проделывания пути в толще льда.

Капитан судна, тёзка знаменитого художника, Васнецов Сергей смотрел с высоты капитанского мостика на привычную для него и экзотическую для гостей картину работы атомного ледокола. Идея превращения рабочего судна в плавучий отель с экзотическим отдыхом пришла в голову начальству, жаждущему получать доход и подспудно рекламировать идею северного морского пути.

Поначалу туристы раздражали своими праздными привычками, которым они обычно предавались на любом отдыхе. Васнецов даже распорядился навешать кругом табличек на нескольких языках, регламентирующих поведение в тех или иных местах судна. Это несколько дисциплинировало туристов. Через пять-шесть рейсов Васнецов привык к лишней суете и даже научился извлекать из неё пользу. Иногда после смены он вёл себя как турист, слоняясь в «гражданке» между баром, кинотеатром и спортзалом. Это отвлекало от рутины и благотворно влияло на гостей.

В этот рейс большая часть туристов были журналистами. «Север» направлялся к полюсу, чтобы забрать учёных с полярной станции. По этому поводу планировалась пресс-конференция, посвящённая климату, запасам полезных ископаемых подо льдами и многим другим вещам, волнующим мир. К тому же журналисты могли разрекламировать экзотический отдых, как ни одна рекламная компания.

– Капитан, у нас метеосводка о сильном урагане в Тихом океане, – сообщил дежурный.

– Так, то в Тихом, нам-то что с этого? – Васнецов не понял, зачем им сообщили о далёком урагане.

– Он непонятно откуда взялся, и настолько сильный, что спутники не могут определить скорость вихрей.

– Меняется климат, и ураганы тоже, – философски изрёк капитан. – Потому мы и едем за учёными, которые что-то знают о нашем климате.

– Но информация подана так, словно нас тоже касается. Я думаю, есть вероятность, что он более глобальный, – не унимался дежурный.

– Вот ты достал меня со своим ураганом, – капитан отвлёкся от созерцания пёстрых точек на палубе. – Показывай.

Дежурный показал на экране ноутбука сообщение от Росгидромета, разосланное, судя по обилию адресов в строке, всем судам, находящимся в море. Там было предупреждение о надвигающемся урагане, гласящее о невыясненной природе стихийного явления, а также о том, что с судами в зоне урагана, потеряна связь. К письму была прикреплена спутниковая «гифка», изображающая в чёрно-белом варианте ураган, накрывающий Тихий океан. На картинке имелись линии долготы, а также время фиксации границ урагана.

– Впечатляет. Сочувствую всем, кого накрыло ветром, но для паники повода нет. У нас тишь да благодать, морозный рай. Смотри, как люди довольны? – Васнецов подошёл к стеклу и посмотрел вниз.

– Ладно, есть ещё одно письмо по мониторингу генераторных установок. После рейса предлагается встать на техническое обслуживание. В одном из генераторов слышится посторонний шум.

– Раз надо, значит встанем. Вот и повод для отпуска нашёлся. Пора сменить ледяные пустыни на тропические. В Эмираты хочу, на горячий песок, на верблюде покататься.

– Эмираты в субтропиках, – поправил дежурный капитана.

– А тебе никакого отпуска, раз ты такой умный. Я знаю, где находятся тропики, просто успел передумать. С дамой сердца Бали не потяну, а вот Эмираты самый раз.

– О, поздравляю, у вас появилась женщина, – на грани потери субординации поздравил начальника дежурный.

– Ну, ты скажешь, появилась, как прыщ или глисты, – хмыкнул Васнецов. – Она появилась передо мной, как Афродита из морской пены и я понял – надо брать.

– Давно?

– В прошлом рейсе. Может, помнишь, была там такая яркая деваха, в спортзал ходила, на танцполе отплясывала, модельная такая?

– Нет, не помню, – дежурный нахмурил лоб, вспоминая события прошлого рейса.

– Ладно, я тебе потом её профиль покажу, сразу вспомнишь.

– Наверное, мой разум её отфильтровал, как потенциально не входящую в группу по моему карману.

– А кто у тебя там, в группе?

– Страшненькие и слишком красивые, которые не по карману.

– Ясно, не высший сорт, но и не отбраковка. Моя Люси точно высшего сорта. Ммм, богиня, – капитан издал томный вздох, вспоминая свою сердцежку. – Надо сообщение отправить.

Он встал напротив окна и сделал улыбающееся селфи. Набрал под снимком текст и отправил его подруге.

– Кем работает? – поинтересовался дежурный.

– Никем. Блогер. Лицом торгует и весьма успешно. Под миллион подписчиков на канале.

– Здорово, у меня двадцать шесть. И те либо друзья, либо родственники.

– Тоже хорошо, скинь им ссылочку на блог моей Люси, пусть присоединятся к числу её поклонников.

– Ладно, – дежурный сделал вид, что согласился, однако точно знал, что не станет делиться ссылкой со своими подписчиками. – Капитан, тут опять сообщение от Росгидромета насчёт урагана.

– Чего им неймётся?

Васнецов подошёл к ноутбуку. Дежурный как раз открывал письмо. Его текст гласил: «Всем судам, находящимся в пути, ввиду надвигающегося урагана срочно вернуться в ближайшие порты, либо пригодные для стоянки бухты. Скорость ветра по предварительным данным свыше ста метров в секунду».

– Брехня какая-то, – капитан представил себе дистанцию в сто метров и прогнал в уме её за одну секунду. – Нет, такого ветра быть не может. Что-то наши метеорологи последний ум потеряли. Надо в контору позвонить. Если бы такое было на самом деле, они бы уже давно сообщили.

Как будто услышав его, зазвенел входящим звонком аппарат радиосвязи. Капитан суеверно вздрогнул и взял в руки трубку.

– Капитан Васнецов, ледокольный атомоход «Север», на связи.

– Капитан, привет, это Леонид Павлович, замначальника порта. У нас чрезвычайная ситуация, собираем в порт все суда поблизости. Слыхали уже, ураган начался в Тихом океане?

– Да, два письма получили с предупреждением. Мне показалось, что опасность немного преувеличена.

– Мы тоже так думали, но получили рассылки от Министерства обороны, что это не простой ураган, а какой-то искусственный, и потому они считают, что он может просто так не закончиться.

– А нам что делать? До порта неделю идти.

– Возвращайтесь к земле Франца-Иосифа.

– А как же учёные? А журналисты, которые ждут пресс-конференцию с ними?

– Как я слышал из новостей, те, кого накрыл ураган, больше не выходят на связь. Мне страшно представить, что происходит в нём. Если он дойдёт до вас, то лучше спасти судно и людей в нём, чем десяток учёных.

– Я не верю, что до нас дойдёт, – капитан был настроен скептически к сообщению об урагане, а также к изменениям запланированного рейса.

– Это ваше дело верить или нет. Я отдаю вам распоряжение двигаться в сторону островов Земли Франца-Иосифа. И не только вам, а всем судам, находящимся рядом с ними. Уяснил, Сергей? – замдиректора перешёл на фамильярное обращение, чтобы подчеркнуть, что он может себе такое позволить, в отличие от капитана ледокола.

– Уяснил, Леонид Петрович. Под вашу ответственность.

– Поворачивай, мы сами разберёмся с гостями.

Замначальника порта отключился. Васнецов снова посмотрел на яркие пятна туристов и представил, что поворот судна не останется без внимания на их гаджетах. Ему не хотелось связываться с журналистами, склочными и шумными существами, способными выставить его в каком угодно свете за выполнение приказа начальства.

– Что? Поворачиваем? – поинтересовался дежурный.

– Пока нет. Подождём часов пять, может ураган и успокоится. Ну-ка включи мне новости, что там говорят?

Дежурный открыл круглосуточный канал новостей на ноутбуке. Как ни странно, но урагану уделялось явно не столько эфирного времени, сколько он должен был занимать, если верить начальству порта или Росгидромету.

– А на других ресурсах что говорят?

Дежурный набрал в поисковике словосочетание «жуткий ураган» и поставил актуальную дату. Вылезло несколько видео. Он открыл первое в строке. На экране появилось каменистое побережье. Ничего примечательного сразу не удалось заметить. Светило солнце, океан бился о берег. За кадром слышалась английская речь, которую капитан едва разбирал. Оператор увеличил приближение, и тогда стала видна тёмная полоса у горизонта.

На первый взгляд что-то напоминающее приближающийся грозовой фронт перед штормом. Паники, судя по интонации, среди людей не было. Сергей даже решил, что это совсем другой ураган, просто кто-то решил нажиться на интересе, поставив на старое видео новую дату.

– Мотни вперёд, – попросил капитан.

Дежурный передвинул ползунок на минуту вперёд. Картинка разительно изменилась. Теперь уже без всякого приближения тёмный фронт занимал полнеба. Он не был похож на грозовой. Это была ровная стена тьмы, стремительно приближающаяся под начинающиеся невнятные реплики людей, наблюдающих за стихией. Оператор говорил возбуждённо и отрывисто, будто понимал, что видит что-то неординарное, чего стоит бояться. Капитан пытался вникнуть в суть его фраз:

– Очень низкое давление, заложило уши. Ураган приближается стремительно, но у нас так тихо, что не колышутся листья на деревьях. Вода отошла от берега ярдов на двести, хотя сейчас отлив. Я такого не припомню. Мы собираемся спрятаться в подвале.

В какой-то миг перед фронтом мелькнул катер, но он был тут же поглощён тёмной стеной, несущейся к берегу с невероятной скоростью. Прежде чем фронт достиг снимающих, по воде пронёсся порыв приближающегося ветра, поднимая водяную взвесь. Перескочив с воды на берег, он поднял в воздух песок. Оператор стойко фиксировал стихию на видео, в то время как за кадром слышались испуганные крики прочих наблюдателей.

Автомобили, несущиеся по дороге вдоль побережья, первыми попали под ветер. Капитан не поверил своим глазам, но так оно и было. Ветер играючи смёл их с дороги и проглотил. Тогда у оператора и сдали нервы. Он выругался и бросился бежать, не выключив камеру. Раздался хлопок, удары и звон бьющегося стекла. Картинка потонула в коричневом тумане и вое, громче которого был только женский крик. Видео оборвалось.

Васнецов долго смотрел в замершую картинку последнего кадра. Там смутно угадывалось чьё-то тело в искромсанный одежде. Верить в снятое не хотелось. Уместнее было предположить, что это видео представляет собой результат работы талантливого 3D-аниматора, снимающего подобные вещи для своего портфолио.

– Это что, компьютерная графика? – поинтересовался он у дежурного, знающего о предмете не намного больше него самого.

– Не похоже. Давайте ещё глянем. Не могли же люди снимать одно и то же. Сравним?

– Давай, – согласился для собственного успокоения капитан.

На втором видео съёмка началась сразу с приближения тёмного фронта. Так как это была холмистая местность, и горизонт находился гораздо ближе, то и движение урагана выглядело стремительнее. Как подумал капитан, неправдоподобно стремительным. Комментарии за кадром тоже были на английском. Женский голос уговаривал снимающего зайти в дом, но тот отказывался, говоря, что наберёт кучу подписчиков.

По двору метался лающий пёс. Даже на первый взгляд было понятно, что собака не в себе от страха. Хозяин прикрикнул на неё, но животное его не услышало, продолжая неистово лаять. В это время в кадре творилось что-то невообразимое. Чёрная стена возвышалась до самого неба. Ветер распространялся с дикой скоростью, взрывая малоэтажные домики до того, как они успевали исчезнуть в тёмной пелене урагана. Оператор выругался и бросился бежать внутрь дома. Пёс опередил его, прошмыгнув в открытую дверь.

Так же, как и в первом видео, раздался грохот. Человек не успел забежать в дом. Всё потемнело, завертелось, зазвенело. Оператор отрывисто вскрикнул и видео закончилось.

– Неужели... – капитан потёр указательным пальцем между бровей. – Не верится, чтобы так. Почему в новостях говорят об этом, как об обычном урагане?

– Не хотят паники, – предположил дежурный.

– Не хотят паники, это когда знают, что конец неизбежен. Например, если бы знали, что сегодня упадёт астероид и уничтожит Землю. Это же ураган, хоть и сильный. Ерунда какая-то. Либо знают, что нам он не грозит, либо тихо радуются, что Америке достанется.

– А нам что теперь, поворачивать к Земле Франца-Иосифа?

– Да подожди ты, рано ещё. Сколько у нас журналистов из США?

– Я не знаю. Это не в моём ведении.

– Да, понимаю, хотелось бы узнать, что им сообщают с родины, – капитан поправил фуражку. – Пойду, прогуляюсь по судну, послежу за настроением гостей.

Васнецов накинул на плечи пальто, вышел с мостика и направился вниз, на палубу.

День был невероятно солнечный и тёплый. Ледокол шумно делал свою работу. Люди, не желая проводить день в его сумрачных недрах, рассматривали однообразный пейзаж, либо мирно беседовали между собой.

– Хороший день, капитан, – с акцентом поприветствовал Васнецова мужчина с бородой, похожий на «полярного волка» больше самого капитана.

– Отличный! Наслаждайтесь.

Капитана узнавали и обращали внимание, словно он был звездой. Васнецова это ничуть не смущало. Где же, как не на своём корабле, находиться в центре внимания? Белокурая девушка, похожая на скандинавку обратилась к нему.

– Сколько осталось пути до места лагеря учёных?

– Если всё пойдёт по плану, то ровно сутки, – пообещал капитан.

– А что может пойти не так?

– Это для подстраховки. Вдруг лёд окажется толще или поднимется ветер, тогда путь займёт больше времени.

– А вы тоже слышали про ураган, который зародился на Гавайях?

– Да, мы регулярно получаем сводку погоды и были извещены о бушующей там стихии. Уверен, нас она никак не коснётся. Это противоположная сторона планеты, да к тому же ещё и экватор. На моей памяти не было такого, чтобы урагану хватило сил подняться от экватора к полюсу. Мы в полной безопасности. Отдыхайте и радуйтесь, что в полярных водах такая прекрасная погода, – успокоил капитан скандинавку и всех, кто слышал их разговор.

– А вы сегодня вечером будете в баре? – кокетливо спросила девушка.

Васнецов засмутился. У него было правило, которое неформально поддерживало и его начальство – никаких романов на работе, ни скоротечных, ни любых других. А девушка была хороша. Глаза искрились, ямочки на щёчках. Она излучала здоровье, оптимизм и ощущение надёжности.

– Я пока не знаю. Всё будет зависеть от ледовой обстановки на курсе, – соврал Васнецов, чтобы дать себе время принять решение.

На всякий случай он улыбнулся ей чуть шире, чем официально. Девушка наигранно надула губы на секунду, но потом расцвела и рассмеялась. Капитан, не зная, что и думать, развернулся и чуть не налетел на мужчину с планшетным компьютером. Тот держал его под низ двумя руками над собой, будто пытался поймать сеть.

– Ой, извините. Какие-то проблемы с техникой? – участливо спросил Васнецов.

– Да, перестал грузить ролики. Слыхали про ураган у нас? – спросил мужчина.

– Вы из США?

– Да, я из Техаса. Из Хьюстона.

– Хьюстон, у нас проблемы, – слетело с губ капитана ещё до того, как он подумал об уместности шуток.

– Точно. Почти каждый раз, когда я представляюсь, мне говорят эту фразу. Но теперь она обрела смысл, у меня действительно проблемы.

– Не грузятся все ролики, или определённые?

– Определённые, те что из США, хотя полчаса назад я их смотрел.

– Странно. Непохоже, что виноват компьютер. Вы можете позвонить с планшета домой, в Хьюстон?

– Да, конечно. У меня куча приложений для этого.

– Давайте проверим.

– Давайте. Меня, кстати, зовут Джим Спанидис, я журналист научного издания, – мужчина протянул руку.

Капитан пожал её.

– Сергей Васнецов, капитан ледокола «Север».

– Я знаю вас. Большой корабль, сложный. Быть его капитаном – большая ответственность.

– Да, наверное, – скромно согласился Васнецов.

Джим выбрал в приложении нужный контакт и позвонил. Через несколько секунд на экране появилось лицо женщины.

– Привет, Джим? У нас ночь, если что, – женщина явно была не в восторге от ночного звонка.

– Привет, Лиз. Просто хотел узнать, как там у вас погода. На западном побережье обещали жуткий ураган, я подумал, что стоит узнать, как у вас обстоят дела.

– У нас всё нормально, Джим, – женщина открыла окно и направила камеру на улицу. В темноте виднелись многочисленные огни фонарей, слышался шум цикад. – Видишь? Тишина невероятная и немного душно. Ты там как, ничего себе не отморозил?

– Нет, Лиз, ничего жизненно важного, кроме ушей.

– Всё, проверил? – женщина явно выказала намерение скорее отправиться в кровать.

– Спокойной ночи, солнце, прости, что побеспокоил, – Джим помахал рукой в камеру. – Если начнётся ветер, спускайся на первый этаж, в бойлерную, там нет окон.

– Ой, отстань, Джим, вечно ты со своей гиперопекой. Я пошла спать, с утра на работу идти.

Она отключилась. Васнецов сделал вид, что не интересовался общением супругов.

– Всё нормально? – спросил он.

– В Хьюстоне проблем нет, – он выключил приложение. – Вы тоже видели эти ролики с Гавайев?

– Кажется, да.

– Так вот, половина их больше не грузится.

– Почему?

– Потому что сервера, на которых они хранились, не работают. А это значит, что ураган имеет катастрофическую силу.

– Джим, не накручивайте себя. Здесь на корабле очень легко создать панику среди людей. Я уверен, у всего есть простое объяснение, подразумевающее банальные причины. Возможно, это фейк, который забанила администрация ресурса.

– Хотелось бы верить, но по линии нашего Министерства обороны прошла информация об экстраординарном природном явлении. Информация засекречена, но, говорят, на западном побережье началось какое-то движение.

– Как бы там ни было, это всего лишь сильный ветер. Мы справимся, – капитан успокаивающе и немного повелительно похлопал Джима по плечу.

Он специально употребил «мы», чтобы американец почувствовал его сопричастность к возможной проблеме. Это должно было успокоить мужчину, испытывающего волнение из-за невозможности быть рядом с семьёй.

Васнецов оставил Джима и пошёл дальше. После разговора с американским журналистом у него появилась лёгкая тревога и предчувствие опасности. Он не хотел думать о том, что это серьёзно, но мысли, помимо желания, сами лезли в голову. Чтобы избавиться от них, он решил позвонить подруге и родителям. Некоторое время Сергей маялся, с кого начать, и всё-таки выбрал номер матери. Дело в том, что поймать удачное время для звонка Люси получалось редко. Она то была на тренировке, то готовила себе здоровое питание, то монтировала ролики.

Мать взяла телефон сразу. Васнецов переговорил с ней общими фразами, узнал последние новости обо всех соседях, о которых знал и не знал, о здоровье отца, о здоровье собаки, о внуках от старшего брата, которые гостили у них и успокоился. Всё было как всегда, и поводов для плохого настроения не было. Вдали от дома часто бывало так, что любая тревога за родных усиливалась.

Васнецов набрал Люси через приложение. Люси ответила не сразу. В этот момент она была на велодорожке, а телефон закрепила напротив, видимо для трансляции.

– Привет, капитан Васнецов! – поприветствовала она Сергея.

– Привет, Люд! Чего делаешь, тренируешься?

– Нет, блин, котлеты жарю. Соскучился? – отвечала она отрывисто, чувствовалось, что пробежала уже не один километр.

– Да, переживаю, что без капитана такому кораблю небезопасно в открытом море.

– Шуточки... солдафонские. Я тебе не «Титаник», вижу, куда плыву. Говори, что хотел, а то у меня последний километр остался, надо ускориться.

– Ничего не хотел, просто посмотреть на тебя.

– Посмотрел... на свою... потную корову. Давай, до связи. Вечером буду свободна.

Она отключилась. На капитана накатила волна раздражения. Не таких отношений с женщиной он хотел. Ему хотелось от неё мягкости, зависимости, почитания. Вместо этого были только короткие минуты общения в перерыве между её планами по собственной раскрутке. Хотелось бросить её к чертям собачьим, если бы не тщеславие. Когда они были вместе, ему нравилось получать завистливые взгляды мужиков. Тело у Людки находилось в идеальном состоянии, за что он прощал ей любое глумление над собой.

Капитан, прежде чем вернуться на мостик, поднялся в столовую, перекусил омлетом с кофе. В углу помещения, рядом с выходом стоял диван, напротив него на стене висел телевизор. Два человека, видимо понимающие русский язык, смотрели новости. Капитан скорее допил кофе и подошёл послушать.

– ... сильный ураган обрушился на западное побережье Соединённых Штатов. Так как там сейчас ночь, то репортажей хорошего качества ещё не поступало. Метеорологи говорят о том, что скорость ветра небывало велика, возможны разрушения и даже наводнения в прибрежных районах, – фоном шла невнятная картинка, показывающая короткий зацикленный фрагмент со светящимся куском города, быстро тонущего во тьме.

После такой подачи ощущение тревоги исчезло совсем. Васнецов успокоился и в прекрасном расположении духа поднялся на мостик. Дежурный сменился. Теперь на его месте стоял Лев Перепечка, молодой, юноша только что закончивший университет.

– Готов к службе? – сурово поинтересовался капитан.

– Готов, – бодро ответил новый дежурный.

– На какой мы широте, долготе, курс, скорость?

Парень замешкался, ища глазами показания приборов. У него ушло секунд десять, чтобы собрать всю информацию и выпалить её капитану.

– Молодец! Для гонок «Формула-1» ты слишком медленный, а вот для ледокола самое то.

– Сергей Иванович, а мне Вадим сказал, что надо менять курс, в связи с надвигающимся ураганом.

Капитан смерил дежурного взглядом, передавая им всё своё мнение о Вадиме и ситуации. Парень невольно съёжился под взглядом Васнецова.

– Знаешь, если каждый чиновник в порту будет решать, что нам и когда делать, чтобы его задница всегда находилась в безопасности, то нам не атомным ледоколом стоит управлять, а вёсельной лодкой в городском пруду. Идём курсом, намеченным ранее. Никаких ураганов не будет. Нас ждёт команда мужиков, которые морозили яй... уши целый месяц и теперь не сводят взгляда с горизонта, чтобы увидеть приближающийся ледокол «Север». Мы не военные, и потому имеем право обсуждать приказы. Согласен?

– Абсолютно. И чего они с этим ураганом так всполошились?

– Никто не всполошился. Привыкли накручивать популярность на всём подряд. Раньше таких людей называли сплетниками, а теперь они хайпожоры. Из любой непримечательной вещи сделают такую сенсацию, а народ ведётся. С современной компьютерной графикой можно и ураган изобразить, и нашествие летающих тарелок и что угодно. Один день все будут в таком азарте кликать ролики, и ровно с таким же безразличием на следующий забудут о них, ожидая новую порцию бередящих душу событий. Хайпожорам всегда будет работа, пока люди жрут эту муть.

– Думаете, эти ролики с Гавайев – компьютерная графика?

– Не думаю, это так и есть. Забудь об урагане, следи за курсом.

– А вы?

– А что я? Ты хочешь, чтобы я доложил тебе о своих планах?

Перепечка засмутился, поняв, что задал вопрос за гранью субординации.

– Простите, я просто хотел узнать, останетесь ли вы на мостике? Я ещё волнуюсь, как новичок.

Капитан засмеялся.

– Извини. Ладно, я буду на мостике до конца смены.

– О, хорошо, спасибо, – довольный Перепечка с энтузиазмом уставился вперёд, прищурив глаза на солнце.

Васнецов почувствовал расположение к парню, узнав в нём себя самого в самом начале службы на ледоколе. Он обошёл всех, кто находился в это время на вахте на мостике. Открыл вахтенный журнал, ничего не собираясь отмечать в нём. Времени до конца смены оставалось ещё четыре часа, и Васнецов не знал, как его скорее промотать. Не терпелось посидеть в баре, посмаковать коктейль, пообщаться с туристами, возможно с той милой блондинкой, интересовавшей его планами на вечер. Васнецов, конечно, не задумывался о романе с ней, подозревая, что журналистка просто ищет материал, используя женскую магию и свою личную привлекательность.

– Соедините меня с учёными, – попросил он связиста.

Через несколько секунд раздался голос из динамика.

– Привет! Это дрейфующая полярная станция «Полюс пятнадцать». Приём.

– Здорово! Григорий Степаных, это вы? – Васнецов не был уверен в том, что голос принадлежит начальнику экспедиции.

– Я. А это вы, Сергей? Извините, без отчества.

– Да, я. У нас сейчас из-за иностранных туристов не принято применять отчества. Не выговаривают. Как вы там, ждёте?

– Конечно. Изо всех сил. Припасов осталось на три дня в натяг. Медведи тут как оголодали, кружатся вокруг целыми сутками. Уже и стреляли в их сторону, и файеры бросали, и ракетницы пускали, а они как будто привыкли, уже не пугаются и не убегают.

– Я их понимаю. Столько мяса в одном месте. Соблазнительно.

На мостике засмеялись, в ответ послышался смех из динамиков.

– Несварение желудка им гарантировано. Такой «айкью» им не по зубам.

– Ничего, немного осталось, мужики. Через сутки, даже меньше, если всё пойдёт по плану, будем у вас.

– Куда деваться, ждём, – на несколько секунд голос начальника экспедиции прервался.

Васнецов решил, что случилось что-то со связью.

– Вы слышите меня, Григорий Степаных?

– Слышу. Мне тут принесли распечатку от одного из наших зондов, он показывает скачок ионизирующего излучения, как при сильной магнитной буре, только вектор направления движения ионизированных частиц противоположный.

– Что это значит?

– Как будто магнитная буря идёт не из космоса, а из центра планеты.

– Такое возможно?

– Нет, с таким я ещё не встречался. Не берите в голову, скорее всего это оборудование глючит. С ним бывает такое.

– Хорошо, а то нас пугают ураганом в Тихом океане. Вы слышали о нём что-нибудь?

– Да, разумеется. Думаю, по возвращении на большую землю присовокупим данные о нём к своим изысканиям, попробуем найти зависимость между тем, что регистрировали своими приборами и всем, что происходило на планете.

– Ладно, удачи вам, Григорий Степаных.

– И вам, Сергей. До связи.

– До встречи, – пообещал капитан и отключился.

Как он и думал, вся эта кутерьма с ураганом была лишь поводом для начальства прикрыть свою задницу. Если уже климатологи не зарегистрировали ничего такого, кроме излучения, то и им не стоило бояться. США регулярно навещали мощные ураганы, и этот не стал исключением.

Народ на палубе после гудка, напоминающего о том, что наступило время ужина, двинулся внутрь корабля. На ледоколе существовало расписание приёма пищи, общее для команды и гостей. Вне времени, отведённого для еды, можно было перекусить только в баре. Васнецов посмотрел на Перепечку, внимательно следящего за навигационными приборами.

– Денис, справишься без меня? Я в столовую отлучусь на полчаса.

– Справлюсь, капитан, – уверенно ответил дежурный, но тут же испугался своей уверенности. – Наверное.

– Я в тебя верю, Перепечка. С такой фамилией невозможно облажаться ещё раз.

– Вы о чём, Сергей? – новенький изобразил обиду.

– Я думаю, что твоим предкам не удавалось испечь нормально с первого раза, вот они и перепекали по второму разу. Ты какой ребёнок в семье?

– Второй, а что.

– Надеюсь, тебя перепекли нормально.

Довольный своим сарказмом, капитан покинул мостик и направился вниз по трапу. Раскрасневшиеся после мороза гости выходили из номеров, собираясь на узкой винтовой лестнице. Капитан снова столкнулся со Спанидисом, по-прежнему имевшим озабоченный вид.

– Как Америка? – спросил Васнецов.

– Знаете, там что-то происходит. Информации мало, но та, что есть – тревожная. Правда, так всегда бывает перед каждым ураганом, но тут есть странности. Наша служба оповещения о стихийных бедствиях вывесила на своём сайте предупреждение о приближении урагана, потом внезапно убрала его, потом снова повесила, немного отредактировав, понизив уровень опасности. А потом на полминуты кто-то заменил его короткой надписью: «Идёт ветер-убийца. Спасение невозможно». Вот, кто-то успел сохранить его, – Джим показал картинку на экране планшета.

– Что и требовалось доказать. Хакерам неймётся напустить паники. Тревожность, вызванная опасностью, грозящей всем, будоражит кровь, особенно юным головам, не ценящим свою жизнь.

– Не думаю, капитан. Есть и другие факты, указывающие на то, что сила ветра невероятна даже для самого сильного урагана.

– Ну, вы же можете позвонить в свою редакцию и узнать от них.

– У нас ночь. В редакции никого нет. Я пытался набрать друга, но он не берёт трубку. Звонил Лиз, но она тоже не берёт. Отключилась, наверное, уверенная, что до утра больше никто не потревожит.

– Не берите в голову, Джим. Идёмте, я угощу вас котлетами по-киевски. Пробовали?

– Не знаю, не уверен, что я разбираюсь в котлетах.

Васнецов видел, что журналисту хочется, чтобы его успокоили, найдя убедительную причину, чтобы перестать беспокоиться. Тут им удачно подвернулась та самая блондинка с подносом, высматривающая себе блюда на ужин.

– Нам надо сесть с той девушкой за столик. Она хотела поговорить со мной. Может быть, и её волнует тема урагана?

– Сергей, на первый взгляд её волнует тема гендерного неравенства среди морских котиков. Уж я этот одухотворённый взгляд очарованной новыми бредовыми идеями девицы успел изучить как следует. К нам в редакцию ломится толпа таких девочек, желающих сделать карьеру на всякой антинаучной мерзости.

– Мне кажется, вы зря о ней так, Джим. Я с ней перекинулся парой фраз, и она показалась мне вполне здравомыслящей женщиной.

– Не вздумайте при ней помянуть, что она женщина. Хуже оскорбления и не придумать.

– Хорошо, Джим, спасибо, что предупредили. Однако я настаиваю составить ей компанию. Она точно отвлечёт нас от невесёлых мыслей.

– Не уверен, – журналист вздохнул и как-то обречённо положил на свой поднос котлету. – Эта?

– Да, это она, с сюрпризом внутри.

– Не люблю сюрпризы. Они вечно портят заранее спланированные события.

– Не думаю, что картофельное пюре может так сильно изменить планы.

– Картофельное пюре – сюрприз?

– Простите, я всё испортил.

Васнецов и Спанидис взяли в руки подносы и направились напрямик к девушке, уже сидящей с каким-то очкастым парнем. Он краснел и держался при ней неуверенно. Васнецова блондинка заметила издали, улыбнулась и глазами показала, чтобы он присел с ней.

– Вот, Джим, нас приглашают.

– Я заметил. По взгляду вижу, что котики сейчас у неё на втором плане.

– И слава Богу, нам будет не скучно.

– Не занято? – капитан поставил поднос на стол, словно не заметил скромного собеседника.

– Да. Я же обещала вам поужинать вместе, – соврала девушка.

– Я помнил об этом, и вот мы с другом Джимми уже здесь.

Парень в очках засмутился ещё сильнее, вздохнул, и смерил капитана и Джима презрительным взглядом отличника, исподтишка смотрящего на хулигана.

– Извини, я не знал, что у вас встреча, – парень составил все свои кружки и тарелки назад на поднос, педантично смахнул за собой крошки со своей половины стола и молча ушёл.

– Пока... – девушка замялась, потому что поняла, что не в состоянии вспомнить имя парня.

– Кто это? – спросил капитан, располагаясь напротив девушки.

– Журналист, но в отношении меня пытался сменить статус на ухажёра.

– Видный парень, – Васнецов посмотрел вслед «отличнику».

Блондинка прыснула.

– Каждый имеет право попытать удачу, – вступил в разговор Джим. – А вдруг повезёт.

– Со мной у него шансов ноль из любого количества попыток. Я не его игровой автомат, сколько бы он не совал в меня монеток.

– Да у него и с монетками, судя по виду, напряг, – усмехнулся капитан.

– Не стоит судить о человеке по скорому знакомству, – Джим не любил обсуждать людей.

– Да, больше об очкарике ни слова. Мы ведь ещё не знакомы. Никто ни с кем.

– Нет, я знаю этого джентльмена, – девушка указала пятернёй в сторону Джима, к его собственному удивлению. – Я читаю все ваши статьи, мистер Спанидис. Учусь у вас и даже приворываю некоторые обороты. Вы – мастер в нашей среде.

– Да ладно вам, – Джим покраснел.

Васнецов украдкой показал девушке поднятый вверх указательный палец. Теперь мужчина точно на время забудет об урагане.

– А вы из какого издания? – заинтересованно спросил Спанидис, совсем забыв о тех нелестных характеристиках, которые он давал девушке несколько минут назад.

– Скандинавский натуралист. Я пишу об арктической флоре и фауне. Меня зовут Маарика Ярви.

Джим напряг мышцы на лбу, вспоминая имя девушки.

– По звучанию, вы из Финляндии? – догадался Васнецов.

– Да, с русскими корнями.

– Нет, не могу вспомнить, но уверен, что читал, – наконец выдал Джим, порывшись у себя в памяти.

– Наверное, авторы-женщины не откладываются у вас в памяти? – съязвила Маарика, похоже, что-то зная о журналисте.

– Что вы, напротив, для меня важно только умение писать статьи, используя научные методы. А-а-а! – вдруг осенило Джима. – Арктический синдром, или почему белые медведи возвращаются туда, где их убивают!

– Да. Вы тогда такого написали в комментариях под статьёй, что я взяла больничный на месяц, пока мои коллеги не забыли.

– Простите, не думал, что автор настолько молод. Теперь я понимаю и уже не буду таким безапелляционным. Любой прогресс – это путь из ошибок.

– Но я считаю себя правой.

– Нет, вы не правы.

– Постойте, – капитан поднял руки. – Мы не затем сели рядом, чтобы выяснять причину арктического синдрома белых медведей. Давайте о более осязаемых вещах. Как вам наша еда? Как котлетки? Говорят, люди влюбляются в те места, где их отравили котлетками и возвращаются туда снова и снова.

Собеседники капитана с трудом уловили его юмор на не самом великолепном английском. Зато, когда до них дошло, посмеялись от души. Непринуждённая атмосфера воцарилась за столом.

– Отличная еда! – Джим довольно утёрся салфеткой. – Как вам ваша трава? – обратился он к Маарике.

– Разве вы не заметили? У меня было не так много зелени, я не вегетарианка, я даже самолично ловила рыбу и варила из неё уху, – заступилась за себя журналистка.

– Удивительно это слышать. У меня сложилось такое мнение, что девушки в вашем возрасте....

– Капитан, капитан, – перебил Джима моряк из столовой. – Звонили с мостика. Просят подняться.

– С чего такая интрига? – капитан поднялся из-за стола и улыбнулся собеседникам, чтобы они не заметили появившееся в его душе неприятное волнение.

– Я не знаю, – простодушно признался моряк.

– Если не вернусь, встретимся в баре, – пообещал он Джиму и Маарике.

Капитан успел заметить тень волнения на лице американского журналиста и снова улыбнулся ему. Получилось натянуто. Не спеша покинув столовую под взглядами зевак, капитан прибавил ходу, стремительно взбежав вверх по винтовой лестнице.

– Что у вас? – требовательно спросил он, поднявшись на мостик.

Возле прибора, показывающего глубину, собрались несколько человек из дежурной смены.

– И что вы на него смотрите, будто в первый раз? Мы сели на мель?

– Нет, капитан, наоборот.

– Что, под нами разверзлось дно?

– Ни то, ни другое, Сергей. Лёд ломается, как будто гонит волну.

– Да бросьте! Такую толщину? Да и откуда взяться волне под ледяным полем? – капитан требовательно посмотрел на дежурного, не знающего что сказать.

– Сергей, накинь пальто, надо посмотреть на это своими глазами.

Капитан в сопровождении нескольких человек из команды вышел на палубу. Было холодно. Красное солнце почти касалось горизонта и совсем не грело. Ледяной ветер тут же

пробрал до костей. А может быть, к этому ознобу присоединилось волнение. Капитан опёрся о перила и всмотрелся в лёд, пытаясь заметить тревожные изменения.

Некоторое время ничего не происходило. Он уже решил, что пора отчитать команду за панические настроения, как вдруг услышал приближающийся треск.

Треск, переходящий в пальбу из орудий приближался прямо по курсу. Васнецов смотрел и не мог в это поверить. Вдывая метровый панцирь льда, приближалась волна. Едва заметно, но настолько, что цельность льда нарушалась. Трещины с грохотом расползались по поверхности, подобно молниям. Ледокол соприкоснулся с волной, почти не ощутив её.

– И давно это? – спросил капитан, когда шум ломающегося льда остался далеко за кормой корабля.

– С час.

– Надо связаться с полярной станцией.

Глава 4

– Шею свернёшь! – Иван с сыновьями Борисом и Захаром подошёл к Прометею, не замечающему ничего, кроме летающего змея. – Дались они тебе?

Прошло пять лет с того дня, как на плато Путорана был обнаружен ещё один островок цивилизации. Иван и Анхелика с подростковой двойней вернулись на родину всего год назад, когда появилась уверенность в относительной безопасности морских путешествий. Теперь за летний сезон небольшие судёнышки успевали сделать по три рейса между двумя посёлками, обмениваясь контактами, людьми, продуктами и опытом. Общение было взаимовыгодным, что не замедлило сказаться на подъёме хозяйственной и культурной жизни обоих посёлков.

Молодёжь знакомилась и женилась между собой, разбавляя генофонд. Капраз Борис радовался этому и даже планировал отстраивать новый посёлок для молодожёнов. Пока это были только планы. Из реально осуществлённого была экспедиция с гостями на Шпицберген к хранилищу семян, до сих пор поддерживающему внутри отрицательную температуру. Жители плато были поражены разнообразием растений, предусмотрительно сохранённых погибшей цивилизацией. Климат на плато отличался от климата Новой Земли, поэтому там могли произрастать растения, которые не приживались на архипелаге.

Помимо растений для жителей плато оказалось важным знание о том, что океан до сих пор выносит на берег остатки судов, погибших во время катастрофы. Железо на плато было в большом дефиците, которого совсем не ощущалось на Новой Земле. В благодарность за помощь и материалы председатель Захар, потомок Виктора Терёхина, поделился агротехникой выращивания лесов, а также завёз домашнюю птицу, которая прижилась и быстро дала обильное потомство.

Наблюдая за тем, как развиваются оба островка цивилизации, Прометей радовался, но с каждым днём чувствовал, что в душе зреет неудержимое желание сорваться с места. Чтобы найти для этого реальную причину, ему была необходима зацепка. На сей момент он считал, что обязан найти следы ещё одной цивилизации, внезапно прекратившей подавать о себе напоминание. Записи обо всех посещениях Новой Земли и Шпицбергена имелись в судовом журнале, но только в первые двенадцать лет после катастрофы, а затем – тишина.

Раньше, посещая хранилище семян, жители посёлка каждый раз надеялись увидеть приметы его посещения жителями другого посёлка, основанного матросами с американской подлодки и всеми, кого они смогли найти живыми. Годы шли, о них забывали и вскоре перестали надеяться увидеть их снова. На большой карте, висевшей в подлодке, рукой капитана Коннелли было отмечено место их поселения. За сезон на гребной посудине до него не доплыть даже через полюс. А у капитана имелось небольшое рыболовецкое судно, работающее на дизельном топливе, позволяющее спокойно пересечь океан за один месяц.

Прометей знал, что на плоту и даже на том судне, построенном на плато, пускаться в такое экстремальное путешествие безрассудно. Да никто бы и не разрешил ему использовать этот необходимый для жизни двух посёлков транспорт. При всех заслугах перед жителями его не перестали считать чудачком, и потому он не надеялся на их благосклонность к своим проектам.

Плот не годился для пересечения океана. На полюсе нередки были шторма, а также внезапные похолодания даже посреди лета. Взгляд Прометея был устремлён в небо, к новой стихии, которая должна была доставить его к новым берегам. Он изучал воздушные потоки второй год, тщательно фиксируя их каждый день в своей тетради. Для этого он изобрёл «летающего змея», случайно наткнувшись на короткую заметку о нём в одной из книг.

– У меня шея гибкая, как у этого змея, – усмехнулся Прометей, не сводя глаз с серого треугольного пятна в небе.

– И как ты собираешься на нём летать? – иронично спросил Иван.

- На нём – никак. Это флюгер, который укажет мне, на какой высоте какой ветер дует.
- Тебе самому не кажется это слишком дурацкой затеей?
- Знаешь, из моей предыдущей дурацкой затеи ты вернулся с двумя детьми, – Прометей подмигнул близнецам, глазающим, как и он, в небо. – Неплохой результат.
- Они бы и так у нас получились. Наверное.
- Не уверен. Такая строптивая женщина, как твоя Анхелика, могла и не выбрать тебя, если бы не поняла во время испытаний, что ты достойный парень.
- Хм, так и она после нашего путешествия остепенилась.
- Вот, и я о том. Путешествия, они же сближают.
- Так то по воде, какая-никакая, но опора, а по воздуху – глупость.
- Прометей вздохнул, не веря, что слышит искренние сомнения из уст друга.
- Не можешь помочь, так хотя бы не мешай. Я справлюсь и один. К тому же я больше не собирался приглашать тебя, пока ты не вырастишь достойную смену. Теперь ты – муж и отец, и у тебя на первом месте совсем другое. Это я – одиночка, смерть которого не причинит никому особого расстройства, кроме родителей. Но мне кажется, что они морально готовы к этому.
- Вряд ли родителей можно к такому подготовить. Помнишь Хосе? Ведь дурак был, и весь посёлок знал, и родителям за него стыдно было, а как погиб, так мать кричала сколько дней.
- Ничего со мной не случится, а сидеть и ждать, когда к нам ещё кто-нибудь пожалует, глупо.
- А кого ты собрался найти? Тех людей, которых называют американцами?
- Да. Я вообще считаю, что там могло выжить намного больше народа, чем в этих местах. Там сплошные горы, и ветер не был таким сильным.
- А в чём же причина, что они больше не возвращались?
- А причин могло быть сколько угодно: закончилось топливо, поменялся лидер, конфликт, шторм, нападение голодных медведей, да много чего ещё. А ещё я читал про то, что двигатели на подлодках могли взорваться в результате неправильной эксплуатации. А те, кто выжил после взрыва, умирали от лучевой болезни.
- Что за болезнь такая?
- Не знаю, я не понял точно. Её вызывают продукты распада ядерного топлива, – повторил Прометей зазубренную фразу.
- Вообще непонятно.
- Согласен. На фоне их знаний мы такие дикари, запускающие в небо воздушного змея, чтобы разобраться, куда дует ветер.
- Папа, а можно мы леммингов половим? – маленький Борис дёрнул отца за штанину.
- Ловите, но чтобы они вас не покусали, а то мать опять будет ругаться, – разрешил Иван близнецам. – В рот после этого руки не суйте, червячки заведутся.
- Ага.
- Мальчишки бросились в траву, неуклюже вылавливая снующих под ней мелких грызунов.
- А как ты собираешься подняться в небо? – поинтересовался Иван.
- На шаре, – не вдаваясь в подробности, ответил Прометей.
- На шаре? – ничего не понял Иван.
- На воздушном шаре. Сейчас я делаю его макет, чтобы опробовать материал, который я придумал для его изготовления в натуральную величину.
- Прометей показал на одинаковые куски материи, разложенные на земле. Иван посмотрел на них без всякого энтузиазма.
- Пока что это похоже на куски, вырезанные из большого льняного мешка.

– Так и есть, это куски льняной ткани, которые я сошью в шар, наполню его горячим воздухом, и он полетит.

– Точно? – Иван представил себе этот процесс в уме.

– Ты совсем не интересуешься знаниями, которые хранятся в библиотеке. Любая обыкновенная вещь для человека из прошлого воспринимается тобой как повод сомневаться в её существовании.

– Зато я научился шить одежду и обувь из медвежьих шкур. Вон, полюбуйся, это я сам смастерил для своих пацанов, – не без гордости сообщил Иван, показывая на обувь близнецов.

Борис и Захар бегали по траве в белых сапожках с чёрным орнаментом на голенищах. Обувь выглядела ладной.

– Хм, сможешь мне сшить шар? – внезапно обратился Прометей к Ивану.

Тот даже опешил.

– Пожалуйста, Иван.

– Слушай, у меня не так много времени. Я сейчас на плотине работаю, за рыбой слежу.

– Давай, я подменю тебя на то время, – предложил Прометей, ища в глазах Ивана поддержку.

– А что сам?

– Руки кривые. Я пытался сшить, но у меня то стежок неровный, то ткань топорщится, а надо плотно, чтобы воздух не сквозил.

Ивану просьба друга польстила. А такой аргумент, как подмена на плотине и совсем пришёлся по душе. Не нравилось ему возиться в воде.

– Показывай, как сшивать, – словно делая одолжение, согласился Иван.

– Вот так, потом вот так, – Прометей сложил два куска, затем приставил третий.

До Ивана, наконец, дошло, что куски ткани, похожие на лепестки, при сшивании образуют шар.

– Смотри, острый край – это верхушка, а тупой – это низ, туда вставится обруч. Глянцевая сторона внутренняя. Понятно?

– Вроде. Снизу останется дыра, чтобы попадал горячий воздух, – догадался Иван.

– Молодец, именно так.

– Когда нужно?

– Хоть сейчас.

Иван взял в руки один кусок и с любопытством рассмотрел его.

– Это же не просто лён?

– Конечно, нет, это моё изобретение. Я спрессовал ткань и бумагу, чтобы уменьшить потерю горячего воздуха, ещё и пропитал тюленьим жиром, на случай дождя.

– Выдумывать ты всегда был горазд, Прометей, а вот руки у тебя, действительно, кривые.

– Согласен, и даже не обижаюсь. Значит, да?

– Куда от тебя денешься, сказочник. Инструмент есть, надо приноровиться к работе, – Иван по-хозяйски оглядел ткань, прикидывая в уме как удобнее с ней работать.

– Ты про иголки?

– Да, иголку и нить. Придётся частить, чтобы плотно было.

– Конечно, Иван, но особо не старайся, это же модель, – Прометею стало неловко, что друг согласился помочь ему в этом сомнительном предприятии.

Прометей подал грубую иглу и клубок суровой нити, тоже пропитанный жиром. Иван взял иглу двумя пальцами и рассмотрел её.

– Н-да, только мешки латать и сгодится, – Иван проверил пальцем острие иглы.

– На кузне я не стал признаваться про шар, тоже сказал, что для мешков, вот и дали такую.

– Ладно, приглядывай за пацанами, а я попробую.

Прометей с готовностью кинулся к близнецам друга, пытающимся спрятать в карман пойманного лемминга. У одного из них из пальца капала кровь, но малыш словно не замечал её.

– Вам что отец сказал, осторожнее надо, – назидательно, но тихо произнёс Прометей, чтобы не отвлечь родителя близнецов от важной работы. – Давай руку сюда.

Прометей взял руку ребёнка с окровавленным пальцем в свою, вынул из кармана небольшой кожаный мешочек со спиртом, и полил на ранку. Мальчишка скривился, но промолчал.

– Молодец, крепкий, как папка, – похвалил он ребёнка.

Прометей перевязал ранку куском льняной ткани. Сын Ивана смотрел на то, как о нём заботятся, сморщив лоб.

– Готово! – довольно произнёс Прометей. – Теперь заживёт быстрее.

Близнецы на некоторое время забыли о лемминге, рассматривая перебинтованный палец.

– Я тоже такую хочу, – и второй брат захотел себе такую же повязку.

Прометей перебинтовал и ему здоровый палец. Близняшки, выставив пальцы как знамёна над головой, побежали к отцу, чтобы похвастаться.

– Смотри, папка, мне не больно.

– И мне не больно.

Иван отложил работу в сторону и сделал серьёзное выражение лица.

– Да вы уже большие, не плачете, скоро сами на охоту будете ходить.

– Да, – согласился Борис.

– И я буду ходить, – Захар притопнул ногой. – На медведя.

– Конечно, на медведя, только горшок с собой возьмём, чтобы было куда валить со страху.

Малыши не уловили иронии в голосе отца, развернулись и побежали играть дальше. Прометей, как наседка, кружился рядом, присматривая за детьми. Бывали случаи, когда осмелевшие совы пытались напасть на детей. Унести не получалось, но они ранили их острыми когтями. У посёлка сов не было, но на отшибе иногда бывали, словно чувствовали границу, отделяющую дикий мир от человеческой цивилизации. Прометей как раз занимался своими делами вдали от людских глаз, не желая лишнего обсуждения своих планов.

Ивану понадобилось три дня, чтобы сшить все куски ткани. Далее Прометей доделал его до рабочего состояния. Он вшил в основание шара деревянный обруч, накрыл шар сеткой с висящими концами верёвок, к которым прикрепил корзину. В корзину положил несколько мешков с песком.

– Хочу проверить грузоподъёмность шара, – объяснил он Ивану, для чего ему нужны мешки. – Я взвесил всё по отдельности и думаю, что через специальный расчёт смогу понять, как увеличение размеров шара повлияет на его грузоподъёмность.

Иван до момента начала опыта смотрел на эксперименты друга с некоторым недоверием. Как и многие в посёлке, он считал, что прежний успех Прометея сыграл с ним злую шутку, заставив его поверить в собственную исключительность, граничащую с лёгким помешательством. Не верил он в то, что воздух пригоден для перемещения, считая эту стихию слишком непредсказуемой.

Для накачки шара Прометей использовал горелку, заправленную спиртом. Прометей делал его из всего, что испортилось в хозяйстве. По большей части это был рис, за которым не углядели, иногда ягоды и даже фрукты. Никто особо не знал и потому не считал, что сжигать драгоценное топливо на разные эксперименты сушая глупость.

– Я растворил в спирте загустевший мазут с корабля, чтобы он не горел слишком быстро. Пламя стало жарче, а расход меньше. Для длительного путешествия топливо будет основным грузом.

– Да ты ещё и не взлетел, – не удержался от иронии Иван.

– Сомневаешься? – спокойно произнёс Прометей.

– Есть такое.

– Помоги лучше, – попросил Прометей, – держи кольцо, чтобы я мог направить в него тёплый воздух.

Прометей насосом поднял давление в горелке, поджёг кресалом промасленный факел и открыл вентиль. Мелкодисперсная струя мгновенно вспыхнула оранжевым пламенем. Прометей направил его в основание шара, ещё лежащего на боку. Иван отвернулся от бьющего в его сторону огня, хотя расстояние до пламени было больше метра.

Горячий воздух, направляемый внутрь, вызвал конвульсии внутри сшитой ткани. Шар приходил в себя, как откачанный утопленник, выплёвывающий в судорогах воду из лёгких. Тело шара росло и расправлялось на глазах. Иван не верил своим глазам, но подъёмная сила горячего воздуха потихоньку отрывала тело шара от земли.

В расправленном состоянии он казался больше, чем ожидалось. Сетка на шаре натянулась, продавив борозды в ткани.

– Бросай! – перекрикивая шум горелки, попросил Прометей.

Иван отпустил основание шара, не боясь, что он сложится. Прометей приблизился, чтобы горячая струя била прямо в центр отверстия. Шар оторвался от земли и завис, натянув удерживающие корзину верёвки. Пламя горелки ещё некоторое время нагревало нутро шара. Подъёмная сила тянула шар вверх, а лёгкий ветерок заставлял верёвки скрипеть под нагрузкой.

– Убери один мешок, – попросил Прометей.

Иван кинулся к корзине и вынул из неё один мешок. Шар не оторвало от земли.

– Второй.

Иван исполнил просьбу. И случилось чудо, корзина оторвалась от земли. Прометей отскочил с горелкой в сторону, чтобы не поджечь шар. Конструкция бесшумно поднималась вверх, гонимая ветром в сторону побережья. Иван смотрел на неё, как замороженный, как человек, которому открылось что-то до невероятности новое. Прометей бежал за шаром.

– Вот я болван, к земле не привязал верёвкой, – кричал он вслед улетающему шару.

Это на самом деле оказалось досадной неудачей на фоне блистательного эксперимента. Прометей посчитал, что подъёмная сила с каждым вынутым мешком будет увеличиваться незначительно, и потому даже не задумывался о том, чтобы зафиксировать шар верёвкой, укрепленной на земле. Шар поднялся на высоту метров тридцати и начал дымить. Прометей понял, что бежать за шаром больше нет смысла, остановился и схватился за голову.

– Всё-таки я его поджёг, – догадался он.

Вдруг по кольцу шара вспыхнул огонь. В доли секунды он охватил пропитанную жиром ткань. Зрелище было незабываемым. В небе горел огонь, и несло его теперь уже в сторону посёлка. Прометей со страху бросился за ним следом, моля Бога о том, чтобы шар не долетел и не наделал бед.

Сгорел он за несколько секунд. Тяжёлая корзина с остатками дымящейся ткани упала на землю в полукилометре от места взлёта. Прометей успел к ней одновременно с некоторыми напуганными жителями из посёлка.

– И что это ты снова придумал? – требовательно поинтересовался запыхавшийся капдва Севастьян. – Чуть деревню не сжёг.

– Прости, – Прометей упёрся руками в колени, тяжело дыша. – Накладка. В следующий раз этой ошибки я не допущу.

– Накладка. Предвидеть надо такие накладки. Опять на мыловарню захотел?

Капдва обернулся в сторону остальных жителей, ища поддержки. По большей части, они были согласны с ним, но активно поддерживать не стали, считая Прометея достаточно толковым парнем, чтобы не повторять ошибок.

– Опыты тем и хороши, что в них случаются ошибки, которые впредь можно избежать, – ответил Прометей, глядя на останки своего труда.

Неторопливым бегом к толпе подбежал Иван.

– Ну, что? Теперь ты сможешь рассчитать подъёмную силу? – спросил он у Прометея, думая, что не получится.

– Конечно, – убедительно произнёс друг. – Все массы у меня записаны.

– И этот туда же, – капдва закатил глаза. – У тебя дети, жена на сносях, а ты тоже всё в игрушки играешь.

– Это для вас игрушки, – Иван почувствовал, как ограниченный разум Севастьяна затмевает ему рассудок. – Вы и в прошлый раз говорили, что плыть никуда не надо, что у вас и так всё хорошо, а сами дураков рожали. А теперь у вас и куры есть, и лес вон отрастает, и много ещё чего прибавилось. Было бы это, если бы не Прометей? Никогда. Выродились бы от своей глупости.

– Иван, хватит, – одёрнул его Прометей. – Ничего же не случилось? – обратился он к капдва.

Севастьян окинул парней злым взглядом, фыркнул как тюлень и спешно направился к посёлку.

– Доложить спешит, – буркнул ему в спину Иван.

Народ постепенно разошёлся, оставив экспериментаторов у останков шара.

– Что, будешь строить большой шар? – спросил Иван.

– Да, думаю за зиму сшить в полный размер, и спирта нагнать достаточно. Не ожидал, честно говоря, что он так потянет. Силища.

– Я тоже. Я вообще не думал, что у тебя получится, – признался Иван.

– Э-э-х, – Прометей ткнул носком сапога дымящую кучу. – Перестарался.

Капраз не стал устраивать взбучку Прометею, как того ждали некоторые. В посёлке существовал кодекс негласных правил, нарушаемый время от времени некоторыми своевольниками, за что те бывали сурово наказаны. Так было совсем недавно с Питом-идиотом, без всякой причины избившим двух подростков. Капраз Борис приговорил Пита к работам, что было сделано официально, но промеж мужиков он дал молчаливое согласие на самосуд. Когда наутро Пит явился на работу с разбитой физиономией, всем стало понятно, что настоящее наказание было совершено. Полегчало, будто, и самому Питу.

В случае с Прометеем, проделавшим эксперимент, который мог закончиться печально для посёлка, капраз запретил народу хоть как-то давить на парня. Прометею было назначено наказание в виде выделки оленьих и медвежьих шкур. Работа тяжёлая физически и морально, но крайне необходимая. В выходные он имел право заниматься чем угодно. Прометей тратил всё время на изготовление частей шара.

Наступила дождливая зима. К этому времени были готовы несколько клиновидных кусков ткани, развешенных под крышей сарая, плетёная из лозы корзина и литров пятьдесят спирта, наличие которого особо скрывалось от любопытных глаз. Прометей переживал, что к началу весны он не успеет доделать шар и придётся откладывать полёт, рискуя попасть в период июльских штормов.

Обычно ему доставалась ткань по остаточному принципу, с браком. Капраз объяснял, что потребностей Прометея хватило бы, чтобы одеть человек сто, поэтому он никак не может отдавать ему нормальную ткань. Люди ему этого не простят. Прометей, как мог, исправлял недостатки, приделывал заплатки, подклеивал, чтобы ткань при нагрузках не порвалась.

Ему приходилось подкупать разными способами Ивана, чтобы тот помогал ему сшивать ткань. Друг не отказывал, но и не навязывался. А под Новый год Иван стал отцом во второй раз. У него родилась дочь, копия его самого. Девочку назвали Катей, выбрав имя из книги первых поселенцев. После рождения дочери помощь Ивана сократилась многократно. Прометей пригорюнился. Ему светила не просто задержка, а перенос путешествия на целый год, что грозило порчей слоёного материала шара. Бумага могла отойти от ткани, размякнуть, порваться.

На новогодние праздники, когда народ гулял и радовался редким снежинкам, падающим на зелёный ковёр травы, на тёмные подоконники, на соломенные крыши, Прометей совсем не испытывал праздничных чувств. Вокруг он видел праздную публику, грязь и никакого повода для радости.

– Ты чего такой смурной? – окликнула со спины Прометея девушка, имя которой он не помнил.

– Не твоё дело, – резко бросил Прометей, но тут же понял, что нагрубил ни за что. – Работа стоит, а поделывать ничего не могу, – ответил он мягче.

– Народ говорит про тебя, что ты снова куда-то собрался. Людей искать?

– Да, собрался, но не только людей. Чего сидеть на одном месте? Из окна дома весь мир не увидишь. Кто-то должен заниматься открытиями.

– А мне нравится, что ты этим занимаешься. Меня даже мать ругала за то, что я заступилась за тебя, когда они между собой с отцом косточки твои перемывали.

– Спасибо. Не влетело?

– Нет. Отец на меня уже руку не поднимает, взрослая, а что он покричит, так это с меня как с гуся вода. Видела я, как у вас с Иваном шар загорелся. Красиво было.

По интонации Прометей понял, что девушка не просто выпендривается перед ним, её действительно впечатлило его изобретение.

– А ты кем работаешь? – поинтересовался он у девицы.

– Ткачиха, но работаю не только на ткацком станке, но и на сучильном.

– А руками шить умеешь?

– Ну, смотря, что вкладывать в это понятие. Родня не жалуется.

– Прости, не помню, как тебя зовут?

– Мария. Я так и думала, что ты не помнишь моего имени. Ты вообще, как будто не из нашего посёлка.

– А вот и нет. У меня хорошая память, но только на другие вещи.

– Ты когда-нибудь дружил?

– Слушай, Мария, такие вопросы обычно не задают человеку, который не помнит твоего имени. Сколько тебе лет?

– Семнадцать. Скоро.

– Я так и думал. А что ты не в обществе обожателей?

– Тебя увидела. Хотела узнать, почему такой смурной.

– Узнала.

– Да.

– И что?

Девушка опешила. Видимо, дальнейшего плана у неё не было.

– Ничего. Не расстраивайся, как-нибудь всё наладится, – нашла девушка.

– Спасибо. Это я и без тебя знаю про «как-нибудь».

– Тебе помощь нужна? А ты к капризу Борису ходил?

– Он обещал не мешать, на большее не согласен. Считает задумку с шаром идиотской.

– Ну, хочешь, я буду тебе помогать по выходным. Может, и подружек уговорю.

– Это было бы здорово, но только я не особо верю в обещания помочь.

– За болтушку меня принял? – Мария гневно сверкнула очами.

– Сдержишь слово, изменю мнение.

– Ну, ты...

Мария развернулась и быстрым шагом направилась к дому, из которого доносились звуки праздника.

– В субботу приду! – крикнула она перед калиткой в спину Прометея.

Тот не стал оборачиваться, но головой кивнул, давая знать, что услышал. Не поверил он ей, и даже забыл об этом разговоре. И как же он был удивлён, когда в субботу с утра Мария пришла с двумя девушками-ровесницами.

– Привет! – поздоровалась она смело. – Видишь, не болтушка оказалась.

– Вижу. Привет.

– Это Селена и Вера, мои подруги. Не хотели идти сперва, боялись тебя, но я их убедила, что ты нормальный.

– Спасибо, девчата, вам и правда со мной бояться нечего.

Девушки смущённо засмеялись.

– Что делать надо? – по-деловому спросила Мария.

– Ничего сложного, шить, если не учитывать, что размеры ткани очень большие. Вот готовые куски, которые сшивал Иван, – Прометей снял с перекладины образец и показал его подругам. – Родители в курсе, где вы?

– Да, – с готовностью согласилась Мария.

– И наши, – подтвердили подруги.

– Раз вы тут, значит они не против, – решил Прометей. – Осилите?

– Ничего сложного. Стежок, конечно, ровный, как на станке, думаю, с опытом и у нас такой будет. А что сам?

– Кропотливый труд мне плохо даётся, – признался Прометей. – Для меня топор, пила, лопата – самый подходящий инструмент. Игла в моих пальцах просто теряется.

Девушки рассмеялись. Прометей раздал им иглы и нитки. С первых же стежков он понял, что девушки понимают толк в этой работе. Они ловко прихватывали ткань, стягивали её, не образуя морщин. Ему даже стало неловко за то, что они у него работают. Прометей сбегал домой и принёс оттуда котелок с водой. Поставил его на печь, обогревающую сарай, а когда вода закипела, напоил девушек горячим и ароматным чаем с рисовыми лепёшками.

Спустя пару часов между ним и девушками создалась непринуждённая атмосфера. Прометей травил истории из своих путешествий, о подробностях которых в посёлке никто и не знал. Рассказал о путешествии на плато, об огромном белом песце, похожем на божество, о реках, в которых живут рыбы размером с лодку, о вечном тумане и болотах, пугающих своей непредсказуемостью.

Девушки слушали его с открытыми ртами, ни разу не перебив.

– Хотела бы я на всё это посмотреть, – мечтательно произнесла Мария.

– Страшно. Я поэтому и боюсь ехать в гору, у них там по дороге такие страсти, – Селену история впечатлила иначе, чем Марию.

– Ну, да, уж лучше пусть их парни приезжают сюда, чем нам, девчонкам тащиться по болотам.

– Да ну вас, трусихи! А я, наверное, уеду отсюда. Желание во мне есть к перемене мест, – призналась Мария.

– Ага, ты ещё с Прометеем попросись слетать, – укорила подругу Селена.

– А что, я бы слетала. Жуть как интересно оторваться от земли, как птица, посмотреть сверху на вас, на дурочек трусливых.

– Девчата, я бы с удовольствием принял ваше предложение, но только у шара будет определённая, заранее рассчитанная грузоподъёмность. Всё свободное место я займу продуктами и топливом. К тому же это очень опасно. Видели, как быстро сгорел мой экспериментальный шар? Падение с такой высоты смертельно.

– А ты что, решил один лететь? Вроде бы вы с Иваном всегда, – поинтересовалась Вера.

– Иван не может, – Прометей не стал распространяться о причинах, которые не пускают друга.

– Так его же Анхелика держит на коротком поводке. Либо с ней ехать, либо вообще никуда. Трое детей теперь. Он ими привязан к земле так, что его теперь ни один шар не оторвёт, – съязвила Мария под одобрительный смех подруг.

– Пусть в посёлке остаётся, симпатичный парень, не дай бог стинет с тобой, – заступилась за него Вера. – Пусть лучше породу улучшает.

– А не ты ли собралась предложить ему улучшить? – уставилась на подругу Селена.

– Почему бы и нет. Я смотрела в книгу, у нас не будет почти никакого кровосмешения. А я хотела бы, чтобы у меня родилась белокурая девочка, похожая на него.

– Так я готов! – раздался голос Ивана, незаметно вошедшего в сарай.

Девушки подскочили, зарумянились, засуетились, не зная, куда спрятать взгляд.

– Простите, что без стука.

– Девчата, спасибо, что помогли, на сегодня норму сделали, можете идти, – Прометей дал им шанс выкрутиться из нелепой ситуации.

Девушки поняли его правильно, побросали иглы и тряпки и выпорхнули на улицу. Через несколько секунд снаружи донёсся их залихватистый смех.

– Вера, теперь не отвертись! – поддела подругу Мария.

– Отстаньте, дуры!

Прометей с усмешкой в углах губ посмотрел на Ивана.

– Так вот о ком грезят юные девы. Отпускать тебя не хотят.

– Я им что, олень-производитель, породу улучшать? – Иван замолчал. – Ты тоже думаешь, что меня Анхелика не пускает?

Прометею стало неловко. Он ответил не сразу. Почесал затылок какой-то деревяшкой, попавшей под руку.

– Знаешь, я считаю, что семья для тебя сейчас важнее. Ты ведь ею обзавёлся, чтобы заботиться. На тебе ответственность, и по-мужски ты не должен легкомысленно её бросать, чтобы отправиться в опасное путешествие. Как говорит каприз Борис, ты не должен быть инфантильным.

– А ты?

– А я могу себе это позволить.

– Они назвали меня подкаблучником.

– Это они от досады, что ты не их, и шансов у них никаких.

– А как же тебе удалось заставить их помогать?

– Сами напросились.

Иван осмотрел сшитые заготовки.

– Вроде нормальный шов, крепкий. Много ещё работы осталось?

– Думаю, на месяц-полтора. Отформовать шар надо, обручи сделать, клея наварить. А ты чего пришёл? – перескочил Прометей, вспомнив, что довольно давно не видел Ивана в своём сарае.

Иван замялся. Подпёр рукой стену и нахмурился.

– С Анхеликой поругались. Ушёл, чтобы остыть.

– Ясно. Не буду спрашивать о причинах, неинтересно.

– Спасибо. Давай, поделаю что-нибудь, надо переключиться.

– Не вопрос, бери любой кусок ткани, что твои воздыхательницы побросали, и шей.

Иван выбрал тот, который шила Мария. Прежде чем продолжить, он с усилием подёргал сшитые куски. Остался доволен и молча приступил к работе.

– Я бы полетел с тобой, Прометей, – признался Иван спустя час работы. – Достала меня эта семья. Одно дело дружить, другое, когда всё время вместе. Надо, дай, найди, сделай, принеси, обязан. Мне нужна смена обстановки. Анхелика, хорошая жена, но сил её терпеть у меня больше нет.

– Иван, не стоит искать решения в таком состоянии. Они точно будут неудачными. Я решил, лечу один.

– Ладно, это я сгоряча про полёт ляпнул. Куда мне без Бориски, Захарки, Катьки. Бродит ещё обида на Анхелику твердолобую. Я ей так и влепил, улечу с Прометеем, если не перестанешь себя так вести.

– Шантажировал, значит, – усмехнулся Прометей. – А она?

– Сказала, что порежет шар, – виновато признался Иван.

– Ты... ты в своём уме, Иван? Она же точно порежет! Иди и скажи ей, что никуда не полетишь, что я тебя не беру, и не возьму, даже если ты будешь ползать передо мной на коленях.

– Идём вместе скажем. Мне она может не поверить.

– Конечно, теперь придётся идти вместе, чтобы я был уверен, что она поверила.

Прометей бросил работу и вместе с Иваном направился к их дому. Анхелика развешивала на ветру детское бельё. Увидев двух друзей, упёрла руки в боки и стала дожидаться. Её поза не предвещала ничего хорошего.

– Анхелика... – начал Иван, но Прометей его перебил:

– Знаете, семейство, решайте свои проблемы без меня. Я лечу один, так что весь шантаж твоего супруга – это блеф. Если с моим шаром что-то случится, Анхелика, я твоему Ивану повыдергаю ноги, чтобы ты до конца жизни сидела при нём и не смела отойти.

– Всё сказал? – угрозы Прометея не произвели на супругу Ивана никакого впечатления.

– Всё! Иван не летит со мной. Семейным опасности противопоказаны. Пусть детей воспитывает и жене угождает.

Иван незаметно ткнул Прометей под рёбра кулаком.

– Не собиралась я твой шар резать, только мужа попугать. Раз не летит, то и Бог с ним, с шаром. Что встал, как чужой? – сменила она тон, глядя на мужа. – Иди, там Борис тебе какую-то чашку с железками разбил.

– Что? А как он туда залез? Ты вообще, что ли, за детьми не смотришь? – Иван кинулся в дом.

– Извини, Прометей. Я вижу, как он рвётся из дома, вот и обидно мне.

– Так дай ему немного воли. Кем он у тебя под таким прессом станет.

– Дам, если он не полетит с тобой.

– Не полетит, я же сказал.

– Спасибо, – Анхелика расцвела в улыбке.

– Не за что, – Прометей развернулся и пошлёпал по грязной улице к своему дому.

Он вспомнил, какой была Анхелика, когда отправилась с ними на плоту в опасное путешествие. Дерзкая, своевольная, до той поры, пока испытания не выбили из её головы дурь. Вернулась она в посёлок другим человеком, заботливой матерью и любящей женой, но страдающей комплексом гиперответственности, выливающимся в чрезмерную опеку не только за детьми, но и за супругом. Себе Прометей не желал такого счастья, прекрасно понимая, что семья положит конец его планам.

Глава 5

Капитан Васнецов пребывал в полной растерянности. В мире что-то происходило, что-то страшное, но что именно, выяснить не получалось. В порту трубку не брали. Интернет давал противоречивую информацию. Он позвонил Людке, но та, как всегда, была занята собой. Всё что происходило вне её тела, не связанное непосредственно с оценкой её красоты, Люси совершенно не интересовало.

– Какой ураган, зай, у меня сегодня набралось больше ста тысяч просмотров на последний ролик по здоровому питанию. Я иду с девочками в ресторан по этому поводу. Будет стрим небольшой, если интересно, глянь.

– Непременно гляну, Люси, – Васнецов в сердцах отключил телефон. – На чёрта сдались мне твои стримы, мартышка.

Он набрал родителей. Старики были в курсе, что в западном полушарии бушует неистовый ураган. Именно так преподносили его в официальных СМИ, дабы не вызывать панику у населения. Возможно, они знали гораздо больше, чем говорили, и были правы насчёт того, что ветер не затронет восточную половину планеты. На всякий случай Васнецов предложил родителям быть осторожнее и не уезжать далеко от дома. Старики обещали слушать его.

За бортом корабля подлёдный шторм не прекращался. Напротив, с каждой волной он становился всё мощнее. Полярники паниковали. Лёд под ними расходился, из-под трещин пробивалась вода. Объяснения случившемуся климатологи не знали. Их аппаратура регистрировала различные параметры, несвойственные ни землетрясениям, ни извержениям подводных вулканов. Ледоколу оставалось до них часов пятнадцать хода, однако учёные пребывали в полном отчаянии, наблюдая за динамикой развития стихии. Васнецов успокаивал их, и даже прибавил ледоколу пару узлов скорости.

«Север» шёл носом прямо на полюс, а волны распространялись встречным курсом, что наводило на мысли о том, что волны распространяются сейсмической активностью в разные стороны от полюса, либо от побережья Аляски, двигаясь к северным берегам России. Как связать это явление с ураганом, Васнецов не знал, но понимал, что какая-то связь есть. Большую часть времени капитан проводил на мостике, пытаясь связаться со всеми службами, способными прояснить ситуацию. Но ответы везде были разные, что путало ещё больше.

– Капитан, у нас наблюдается подъём уровня океана, – сообщил дежурный.

– Как это, подъём? – за сумбуром роившихся в голове мыслей капитан не сразу осознал, о чём ему сказали.

– Вот контрольная точка замера глубины, над которой мы проходим сейчас. Увеличение глубины примерно на пятнадцать метров.

– Не может такого быть. Это океан, а не лужа, откуда взяться лишней воде?

– Я просто сообщил то, что показывает прибор.

– Не обращай внимания, это может быть электромагнитное возмущение, нарушающее работу приборов. Климатологи что-то сказали, про усилившуюся ионизацию, – капитан задрал рукав форменного пиджака. – Наверное, от этого мурашки бегут по коже.

Тяжёлый удар в борт гулко разошёлся по кораблю. Судно качнуло. Все, кто находились на мостике, переглянулись между собой, а потом как по команде бросились к окнам. Увидеть волну, ощутимо больше прежних, они не успели, она уже умчалась дальше, но оставленный ею след во льду можно было разглядеть отчётливо. Сплошное поле льда на этот раз разорвало на куски, громождающиеся друг на друга. Появились полыньи с открытой водой.

– Чёрт! – Васнецов ухватился пятернёй за голову. – Народ сейчас полезет с вопросами. Что мне им говорить?

Тут он вспомнил про климатологов.

– Соедини меня с полярниками.

Дежурный попытался соединиться. Долго не отвечали, но потом трубку взяли.

– Что у вас, Григорий Степаныч? – спросил Васнецов тревожно.

– Это конец, Сергей. Следующую волну мы не переживём. Я уже вижу её, и она высотой с многоэтажку. Нас сбросит в воду или раздавит льдинами. Отворачивайте назад, это не просто шторм, это катастрофа.

– Держитесь, мы не отвернём, мы вас спасём. Наш ледокол выдержит любое испытание. Он и не такое рассчитан. Держитесь, Григорий Степаныч.

– Нет, Сергей, вы не видите того, что вижу я, уже поздно. Жаль, что я не смогу узнать причину этого явления, оно определённо уникальное. Прощайте, Сергей и послушайте моего совета.

– Григорий Степанович, без паники.

Из динамика раздалась крики, грохот, статические хрипы, а потом связь пропала.

Васнецов вернул трубку дежурному. Вся команда смотрела на него, ожидая решения. Это был самый психологически трудный момент в его карьере. С одной стороны, он не знал, что случилось с полярниками, и не хотел иметь репутацию человека, отдавшего приказ отступить, фактически отдав учёных на погибель. С другой, он не хотел погубить корабль, если ситуация на самом деле окажется хуже, чем он думает. Для принятия верного решения у него было слишком мало фактов.

– Идём дальше, – отдал приказ Васнецов, надеясь получить дополнительные подсказки.

Капитан накинул пальто и спустился на уровень верхней палубы. Ему хотелось воочию разглядеть волны, о которых говорил учёный. Как назло, на выходе ему попался Джим Спанидис.

– Как там Хьюстон? – спросил он, надеясь на быстрый ответ.

– Не знаю, связи нет. С Америкой вообще нет никакой связи. Такое ощущение, что её больше нет.

– Не говорите ерунды, Джим. Америка там, где и была. Это всё повышенная ионизация воздуха, которая нарушает связь. Так мне сказал учёный, за которым мы направляемся. У него аппаратура регистрирует это.

– Капитан, мы же грамотные люди и знаем, что ионизация воздуха должна быть вызвана какой-то неординарной причиной, такой, как нарушение вращения жидкого металлического ядра планеты либо невероятной солнечной вспышкой, метко выбросившей в сторону земли пучок плазмы.

– Джим, я не по этой части, я капитан корабля и знаю как управлять им, чтобы не застрять во льду, и не промахнуться мимо пункта назначения.

– Мою страну накрыл ураган, и это совершенно очевидно. Неясно, откуда он взялся и почему обладает такой невероятной силой. Вы, кстати, наружу собрались?

– Да.

– Я с вами. Я слышал этот грохот и хочу посмотреть на лёд.

– Ничего интересного, это был торос, который мы взяли тараном, – Васнецову хотелось отвязаться от назойливого журналиста, потому что тот мог распространить слухи, увидев волны, несвойственные океану, покрытому панцирем льда.

– Мне интересно всё, поэтому я журналист научного издания, – не собиравшись отступить Спанидис.

– Ладно, только давайте договоримся по-мужски – вы не будете особо распространяться и строить теории среди гостей, – попросил Васнецов.

– Разумеется, я знаю, как рождаются и распространяются слухи. Буду нем, как рыба.

Капитан не особо рассчитывал на искренность слов журналиста, но всё же согласился взять его с собой.

Морозный воздух сразу же ударил в нос. Васнецов готов был поклясться, что он имел непривычный запах. То ли озон чувствовался в нём, то ли морская вода, пробившаяся наружу, добавила свои оттенки. Обширное поле льда выглядело иначе, чем несколько часов назад. Оно было неровным, подвижным, лишилось блеска, отчего казалось мрачным, затаившим угрозу.

Они вдвоём прошли к носу. Ледокол таранил куски льдин. Того лопающегося звука, с которым он проделывал эту операцию несколько часов назад больше не было. Лёд больше не был единым панцирем. Лдины налезали друг на друга.

– Такое бывало раньше? – глядя на непривычную картину, спросил Спанидис.

– Нет, не бывало, – признался капитан. – Сами понимаете, что волны гонит ветер, а когда вода накрыта льдом, то это сделать проблематично.

– Я это предполагал, хотя и не был уверен полностью.

– Я понятия не имею, что происходит.

– Вы связывались с полярниками, за которыми мы направляемся?

– Да.

– И что они сказали.

– Удивлены не меньше вашего. Волны у них ещё выше, чем здесь.

– Почему? Выходит, что источник их образования где-то рядом с ними? – глаза журналиста загорелись от предчувствия сенсации. – Землетрясение?

– Они сказали, что аппаратура не фиксирует землетрясений.

– Да? Тогда у меня нет предположений.

Капитан присмотрелся вдаль. Ему показалось, что приближается ещё одна волна. Небо и поверхность океана почти сливались в один цвет, и сложно было определить их границу.

– Посмотрите, Джим, вы видите волну, или мне кажется?

– Волну? – Спанидис пригляделся. – Вроде вижу, но не уверен.

Они вместе смотрели на горизонт, пока отчётливо не увидели вздымающийся ледяной вал.

– Невероятно, – с придыханием произнёс американский журналист.

Капитан посмотрел в окно мостика, увидев на светлом фоне несколько чёрных силуэтов. Сверху картина была видна ещё лучше.

– Может быть, пройдем внутрь, от греха подальше? – предложил Васнецов журналисту.

– Нет, что вы, я должен это засвидетельствовать, – Спанидис вынул планшет, расчехлил его, включил камеру и начал снимать.

Волна приближалась, грохоча всё сильнее. Чем ближе она была, тем сильнее замирало сердце капитана от осознания невероятности события. Не могло быть в этих широтах такой волны, даже при сильном ветре. А сейчас ветра почти не было, из-за чего приближающаяся волна выглядела мистически неправдоподобной.

На ледоколе включился прожектор. Команда решила проверить свои сомнения. Круг света упёрся во вздымающуюся стену из воды и льда. Никакой мистики, волна приближалась, и она была просто огромной. У Васнецова похолодело внутри, будто из тела вышла напуганная душа. Спанидис снимал на планшет, уверенный в своей безопасности, в которой капитан совсем не был уверен.

Грохот нарастал. Он закладывал уши и заставлял тело реагировать на него нервной дрожью. Когда до волны осталась сотня метров, Васнецов понял, что им грозит опасность. Он схватил журналиста за руку и потянул под защиту стен. Спанидис хотел было возмутиться:

– Я хочу снять момент удара волны о нос ледокола. Это же безопасно! – прокричал он, перекикивая нарастающий грохот.

Они не успели пробежать десяти шагов, когда могучая волна качнула судно, после чего масса льда врезалась в него. Большая глыба, перелетев через борт вместе с пенящимися брызгами воды, тяжело обрушилась на палубу. Вместе с потоками воды её понесло в сторону над-

стройки. Капитан едва успел закрыть за собой дверь, протолкнув перед собой журналиста, как огромная масса льда впечаталась в надстройку. Дверь выгнуло внутрь. Потoki ледяной воды брызнули в образовавшиеся щели.

Васнецов испытал приступ паники и минутного замешательства. Он понятия не имел, что делать дальше. Ни инструкций, ни тренировок по подобной ситуации у него не было. В голове стоял голос начальника полярной экспедиции, советующий ему разворачивать ледокол. Как ему казалось на тот момент, надуманная угроза мгновенно превратилась в самую настоящую.

– Я поднимусь в каюту, – сообщил капитану бледный Спанидис.

В глазах журналиста горел страх. Его руки мелко тряслись.

– А? – Капитан будто всплыл на поверхность и схватил глоток воздуха. – Конечно, Джим, идите. Там вы будете в безопасности.

А сам, перепрыгивая через ступени, побежал на капитанский мостик.

– Меняем курс! – резко выкрикнул он, едва оказавшись на мостике. – Идём к Земле Франца-Иосифа.

Капитан передал координаты вахтенному помощнику, не сводя глаз с горизонта. Ледокол – судно медлительное, тяжёлое, к тому же лёд не способствует быстрому осуществлению манёвров. Хотелось успеть убрать борт от встречи с наступающей волной.

– Капитан, откуда взялся этот шторм? – с тревогой в голосе поинтересовался помощник по радиоэлектронике Казючиц. – Отродясь ведь не было.

– Не знаю. Свяжись со всеми судами, узнай, что у них. И доконай порт, пусть пришлют достоверную информацию, и попробуй ещё связаться с полярниками.

– С кого начать? – количество одновременных заданий смутило помощника.

– Начни, с полярников. Хотя... нет, давай соединишься с судами, – Васнецову стало ясно, что у климатологов шансов спастись не было никаких. – Что с глубиной?

– Не могу утверждать, потому что нет замеров на этом месте, – ответил вахтенный.

– Хорошо. Пойду, узнаю, как чувствуют себя гости. Если увидите высокую волну, сообщайте мне по громкой, но не прямым текстом.

– А что сказать?

– Ну, скажи: «капитан, требуется ваше присутствие на мостике», и всё, без подробностей.

– Понял, – ответил вахтенный Перепечка.

Капитан покинул мостик и отправился в бар. Там было почти пусто. За стойкой стоял бармен, а за столиками сидели два темнокожих журналиста. Васнецов подошёл к бармену.

– Как народ? – спросил он негромко.

– Разбежались. Все в телефонах сидят, общаются. Говорят, что в Америке жуткий ураган. Кто оттуда – дозвониться не могут. Не работает даже интернет и их служба предупреждения о чрезвычайных происшествиях. Ураган начался ночью, даже роликов нормальных никто не выложил.

– Ясно. А те господа что?

– Они бухают, и мне кажется, что у них есть повод, и он как-то связан с этим ураганом.

– Ага, вуду планетарного масштаба. Ладно, пусть бухают, это внушит оптимизма остальным.

Капитану пришла идея выступить с успокаивающей речью по громкой связи, но для этого требовались факты, которыми он мог убедить гостей. Он пробежался по коридорам, почти никого не встретив. Из кают доносились громкие разговоры на разных языках. Народ почувствовал опасность. Она осязаемо разливалась по кораблю, как поток ледяной солёной воды, хотя причины были не совсем ясны. Многие понятия не имели, что творилось снаружи, но всё равно чувствовали её.

Прямо перед носом Васнецова открылась дверь. Из неё выскочила Маарика с телефоном. Она не заметила капитана, потому что вела прямую трансляцию, глядя только в камеру. Белое

лицо её горело красным. Она громко тараторила на финском, довольно смешном для русского слуха языке. Капитан прижался к стене, чтобы она не столкнулась с ним. Маарика проскочила мимо и направилась к лестнице. Капитан последовал за ней.

Девушка спустилась вниз и замерла перед сломанной ударом льдины дверью. На полу ещё стояла вода.

– О, капитан, что случилось? – спросила она удивлённо.

– Волна выбросила на палубу льдину, и она ударилась в дверь.

– А разве такое возможно?

– До сего момента я был уверен, что нет. Вам не стоит открывать её, как видите, это опасно. Мы меняем курс и скоро выйдем из опасной зоны.

– Уверены? Я только что говорила с учёным из Швеции, он мониторит погоду через спутники, так вот, перед тем, как спутники кто-то выключил, он сказал, что ветер, накрывший Северную и почти всю Южную Америку, имеет скорость, близкую к скорости звука.

– Что? Скорость звука? – Васнецов рассмеялся. – Ерунда. Наши учёные, – капитану вдруг стало неудобно, что он помянул людей, участь которых решил не в их пользу, – в общем, наши учёные сказали, что воздух по непонятной причине чрезвычайно ионизирован, что может повлиять на работу электроники. Наши приборы на судне, тоже, кстати, немного врут.

– А я ему верю, потому что он ещё сказал, что уровень воды растёт, и он это видит собственными глазами. Их город затапливает.

– Почему? – капитан не увидел связи между ураганом и затоплением города.

– Ну, возможно ураган расталкивает воду к полюсам, но это неточно.

Неожиданный голос из динамика пронзил капитана и девушку словно разряд электричества.

– Капитан, требуется ваше срочное присутствие на мостике, – раздался взволнованный голос Перепечки.

– Бегом отсюда! – Капитан бесцеремонно схватил Маарику за руку и потянул на лестницу. – Бегите в каюту. Приближается большая волна.

– Волна? – удивилась девушка.

– Именно, с ледяным гребнем.

Маарика бросилась вперёд и исчезла в ответвлении коридора. Васнецов едва успел подняться на мостик. Огромная волна, намного выше предыдущей, неслась прямо в борт ледоколу. Это было страшно. Что-то делать уже было поздно. Оставалось только рассчитывать, что она недостаточно сильна, чтобы перевернуть судно.

Приближающийся гребень вздымался острыми гранями сломанного льда, отсвечивающего красным в лучах низкого полярного солнца. Грохот слышался даже сквозь стены.

– Дай трубку! – не дождавшись, когда среагирует дежурный, капитан схватил микрофон громкой связи. – Внимание экипажу и гостям «Севера». Приближается волна, возможен сильный крен, всем найти точку опоры во избежание травм, – он отключился. – Мужики, хватайтесь за что угодно.

Стена поднимающегося льда нависла над судном. На мгновение показалось, что она накроет его. Ледокол медленно качнулся в обратную от стены сторону. Время будто замедлилось. Возможно, страх просто заставил иначе его оценивать. Корабль потянуло назад. Масса льда встретилась с его бортом. На этот раз удар был силён. Судно тряхнуло так, что всё незакреплённое попадало на пол.

Массы воды с ледяным крошевом и глыбами льда обрушились на палубу, пронесли шумным потоком и взлетели вверх, встретившись с противоположным бортом. Судно выровнялось. Палуба в носовой части корабля осталась заполненной водой и льдом. Экипаж с ужасом смотрел на последствия прохождения волны. Отовсюду понеслись доклады.

– Капитан, часть надстройки на уровне палубы пробита льдом. Вода проникла в каюты. Срочно переводим людей в другие.

– Вода идёт через пробоину вниз по главному трапу.

Васнецов на несколько секунд зажмурился, заставляя мысли остановить хаотичный бег.

– Начинайте заделывать пробоины, – ему пришла идея, которая в этот момент показалась наиболее правильной. – Возвращайте ледокол на прежний курс.

Боцман, служивший лет на десять больше капитана, хотел возмутиться.

– Но мы же тогда идём навстречу шторму?

– Нет никакого шторма, боцман! Не видишь, нет ни ветра, ни грозы. Что, если следующая волна будет ещё больше? Носом её надо встречать, только носом.

Боцман был вынужден молча согласиться. Капитан бросил взгляд на горизонт и, не увидев приближающейся опасности, отправился вниз проверить повреждения. Едва ступив на главный трап, винтом уходящий в недра корабля, он услышал шум текущей по нему воды. Из той двери, за которой он и Спанидис спрятались от льдины, с шумом шуровала вода. Палуба за ней превратилась в наполненный бассейн. Шпигаты, забитые ледяным крошевом, не справлялись со своей задачей.

У двери уже суетились пятеро членов экипажа, возившиеся по колено в ледяной воде. Они пытались остановить струи воды постельными покрывалами, разрывая их для удобства на куски. Кажется, они даже не заметили капитана. Васнецов бегом отправился к каютам, расположенным по левому борту, на который пришёлся удар.

Воды здесь было меньше. Она захлестнула в пробоины только в момент удара. В рваных дырах, вогнутых внутрь кают свистел ветер. В коридоре сразу же сделалось холодно. Встревоженный народ наблюдал, либо участвовал в заделывании повреждений наравне с командой.

– Капитан! – окликнул Васнецова мужчина, внешне похожий на итальянца.

– Да, я вас слушаю.

– Капитан, что происходит? Мы скоро вернёмся в порт? Почему пропадает связь и интернет? – высказал он в эмоциональном запале сразу все вопросы, мучавшие не только его.

– Я не знаю, что происходит в глобальном масштабе. Для нас это необычный шторм, которого в этих краях никогда не было. В порт мы пока не пойдём, пока не успокоится погода. Наше судно рассчитано на работу со льдом крепким носом, но никак не кормой. Как только я получу какие-то сведения насчёт погоды, я обязательно оглашу их по громкой связи.

– Вы в курсе, что ураган перемахнул Америку и приближается к Европе со скоростью звука? – мужчина был из тех, кто любит задавать вопросы в самое неудобное время.

– Нет, не в курсе. Следить за ураганами в тысячах миль от местоположения судна не моя обязанность. Простите, если вы можете чем-то помочь, то помогите. Мне необходимо проверить состояние судна.

Мужчина фыркнул и закрыл за собой дверь каюты. Васнецов пошёл дальше, прикидывая в уме скорость звука и расстояния. В той кутерьме, что творилась в голове, цифры никак не хотели давать результата. Капитан бросил бесполезное занятие и спустился на уровень машинного отделения.

К его облегчению, здесь всё было, как всегда, шумно, сухо и по-рабочему. Старший машинист, следящий за работой главных турбогенераторов, увидев капитана, направился к нему.

– Всё в норме, капитан, – сообщил он, приподняв одно «ухо» звукоизолирующих наушников.

– Хорошо! – прокричал Васнецов. – Работайте, – хлопнул машиниста по плечу.

Тот кивнул, вернул наушник на место, продолжая выполнять свои обязанности. Васнецов проверил аппаратную, где стоял реактор, кормовую электростанцию, помещение с электродвигателями, приводящими в движение гребные винты. Затем поднялся в рулевую. Ника-

ких повреждений, никаких отклонений от нормы в агрегатах ледокола не наблюдалось, что добавляло оптимизма.

Васнецов решил, что первоначальную ошибку с разворотом судна он больше не повторит. Она стоила судну пробитых стен надстройки, заделать которые можно будет только на верфи. Едва капитан поднялся на уровень жилых кают, в динамиках раздался голос Перепечки, ледяным спазмом отдавшийся в области сердца.

– Капитан, у нас есть сообщения с трёх судов и одно с борта самолёта полярной авиации.

Сердце отпустило. Капитан решил было, что приближается новая ледяная волна. Он перешёл на бег, насколько позволяли узкие и извилистые коридоры судна. Вид бегущего капитана обитателям ледокола оптимизма не добавлял. Народ уступал ему дорогу, тревожно глядя в спину. Интернет рушился с каждой минутой, пропадала связь, и чем дальше, тем всё меньше становилось понятным происходящее на планете.

Тяжело дыша, капитан влетел на мостик, первым делом бросив взгляд на горизонт. Ничего подозрительного.

– Что они говорят? – требовательно обратился он к вахтенному, желая как можно скорее услышать новости.

– Во льдах нет никого, кроме нас, поэтому там только волны и они не особо опасны. «Вайгач» отвернул в порт, какой-то китайский сухогруз решил продолжить маршрут до Англии без изменений, и один рыбацкий сейнер передал сообщение, что у них залило моторное отделение и они ложатся в дрейф.

– Ясно. А лётчики что?

– Они поднялись со льда, когда пошли первые волны. Успели погрузить людей и теперь направляются в Мурманск.

– А что видно с воздуха? Нет, давай, соедини меня с ними снова.

Перепечка, всклокоченный, будто заступил на вахту прямо с постели, набрал волну.

– Борт семьсот одиннадцать, это ледокол «Север», с вами на связь выходит капитан корабля, – вахтенный передал танкетку капитану.

– Это борт семьсот одиннадцать, с недобрым днём, капитан, приём.

– Капитан Васнецов. Мужики, расскажите, что вам видно с воздуха? Приём.

– Штормит. Ледяной панцирь рвёт и несёт кусками к берегу.

– Ясно. А признаки надвигающегося фронта или что-то такое есть?

– Пока не видно. Что, тоже удивлены тем, что волны есть, а ветра нет?

– Да, мы решили, что это сейсмика.

– Короче, на планете начался какой-то хаос. Никто ничего не говорит, никаких предупреждений, никаких сообщений от МЧС. Я думаю, они не знают, что происходит, и потому не реагируют. Одну секунду...

Голос отключился, но через минуту снова вышел на связь.

– Военным приказ возвращаться с мест несения боевого дежурства на места постоянной дислокации.

– Почему? Что это значит?

– Не знаю. Наверное, угроза со стороны возможного противника пропала. Это первое, что мне пришло на ум. Вы сами-то куда направляетесь?

– Мы идём на полюс. Вынуждены это делать, потому что волна чуть не накрыла нас льдом, когда мы маневрировали.

– Да? Не знаю, что и сказать.

– Сверху, наверное, видны большие волны?

– Да и сейчас я вижу одну такую.

– Где вы сейчас, дайте координаты.

Пилот назвал. Вахтенный сразу вбил информацию в навигационную программу ноутбука. Капитан провёл линию по географической широте. До маркера, означающего ледокол, оставались считанные мили.

- Волна близко, – сообщил капитан по радиосвязи.
- Держитесь. Желаю удачи, и будьте на связи.
- И вам. До связи.

Васнецов повесил на место танкетку радиостанции, заметив попутно, как побелели костяшки нервно сжимающих её пальцев. Больше всего в этой непонятной истории его беспокоило молчание властей. Какой прок с пассивного наблюдения за тем, как твои подопечные путём собственных умозаключений попытаются определить причины происходящего? Это подрывало веру в государство. Или же власти знали, что государство обречено?

В дверь постучали. Стук вырвал Васнецова из водоворота мрачных размышлений. Это был Спанидис. Его испуганные глаза были в два раза больше обычного.

– Информация о том, что скорость ветра близка к скорости звука подтвердилась, – мрачно произнёс он. – Коллеги, связь с которыми пропала несколько минут назад, успели её замерить. Это чудовищно. Такой ветер убьёт мир. Любой предмет, сорванный им, будет иметь скорость ружейной пули. Вы понимаете, что это такое? Каменная глыба, летящая с такой скоростью – это же снаряд с огромной кинетической энергией.

Подбородок журналиста мелко трясся, руки тоже не находили себе места.

– Они тоже могут ошибаться, – попытался успокоить его Васнецов.

– Это было бы замечательно, но это не так, и тому есть подтверждения. Атмосферное давление внутри урагана намного выше, чем обычно, в то время как перед ним, значительно ослабляется, ветер будто втягивается в него. Что показывают ваши барометры?

Капитан бросил взгляд на стрелку барометра.

– Немного выше обычного.

– Хм, да? – Спанидис почему-то удивился. – Возможно, на полюсах картина иная. А так все метеостанции перед приближением фронта зарегистрировали критическое снижение атмосферного давления. Такого не было за всю историю наблюдения за погодой. Ветер разгоняется до невероятных скоростей, и что ещё хуже, захватывает воду из океанов.

– Откуда вам это известно?

– Это же логично! – искренне удивился журналист. – Вы только представьте себе, какая это скорость. Представьте реактивный автомобиль, на котором стоит полная чаша воды, накрытая крышкой. И что будет, если открыть её на скорости в тысячу километров в час?

– Чашу сдует ещё раньше, – заключил Перепечка.

– Нет, она закреплена надёжно, – Спанидис отмахнулся от него, давая сделать заключение капитану.

Васнецов представил себе такую скорость и решил, что ветер обязательно выдует её из чаши.

– Ну, думаю, вы правы, но только в случае, если ваши предположения насчёт скорости ветра верны.

– Был бы рад ошибаться.

– А причину шторма можете назвать?

– Она банальна. Ветер гонит воду прочь от себя. Это же логично. Пока мы ещё имеем дело с первыми проявлениями волнообразования, теми, что случились несколько часов назад, в районе Тихого океана. Если ветер не ослабнет, в ближайшие часы нас может ждать самое настоящее цунами.

– Джим, хотелось бы возразить вам, но у меня нет аргументов, поэтому я надеюсь только на то, что вы здорово преувеличиваете.

– Я и сам на это надеюсь, но хотелось бы, чтобы вы были готовы к худшему варианту.

– Капитан, – Перепечка, когда Васнецов обратил на него внимание, повёл глазами в сторону горизонта.

Васнецов подошёл к окну. Джим Спанидис заинтересованно последовал за ним. Навстречу ледоколу катился вал. К счастью, на этот раз судно двигалось в его сторону без отклонений. Капитан снял устройство громкой связи.

– Говорит капитан ледокола «Север» Сергей Васнецов. Прямо по курсу приближается новая волна. Всем отойти от внешних стен и найти, за что ухватиться. Примерное время сближения – одна минута.

Гребень приближался и рос. Вот уже по воздуху стала расходиться вибрация от грохота сталкивающихся льдин. Васнецов начал про себя обратный отсчёт:

«Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять...»

Серая груда льда вздыбилась перед ледоколом. Судно пошло на неё, в высшей точке ударившись о двигающиеся навстречу льдины. Затем ледокол почти отвесно пошёл вниз, зачерпнув носом наслаивающийся друг на друга лёд. Глыбы обрушились на палубу и понеслись навстречу надстройке. Удар сотряс её.

Джим Спанидис рефлекторно отстранился от окна, будто боялся, что лёд достанет до него или же он сам вывалится наружу.

– Всем спокойно! – приказал капитан. – Спокойно.

Он уже устал бегать по кораблю и решил отправить разузнать о последствиях прохождения волны старшего помощника Тухватяна.

– Артур, проверь, что там натворил лёд, и заделайте дыры. Чувствую, они будут.

– Хорошо, Сергей, сделаю, – Тухватян убежал вниз.

Капитан взял в руки переговорное устройство громкой связи.

– Вниманию всех членов экипажа и гостей ледокола «Север». Если среди вас есть пострадавшие, просьба пройти в фельдшерский пункт. Если вами замечены повреждения целостности корпуса и переборок, прошу доложить на капитанский мостик. Капитан судна, Сергей Васнецов.

Он устало вернул трубку на место и замер у окна, погрузившись в невесёлые мысли. От него ждали решения. От того, что он скажет или пообещает, будет зависеть поведение гостей. Сергей не чувствовал себя оратором или полководцем, умеющим сказать в подходящий момент нужное слово. С большим удовольствием он передал бы своё «капитанство» более достойному человеку.

На мостике появилась Маарика, растрёпанная и возбуждённая, с телефоном в руках.

– Вы не пострадали? – на опережение поинтересовался Васнецов.

– Нет. Пустяки, я всего лишь свалилась на пол. Смотрите, что у меня есть, – она осторожно положила телефон на стол.

На его экране виднелась живая картинка с заснеженными вершинами гор и зелёными лугами.

– Красиво, – согласился капитан. – Был бы рад оказаться сейчас там, а не здесь.

Маарика коротко усмехнулась.

– Не спешите, всё может измениться в ближайшие минуты. Это метеостанция в Баварии, у них прямой эфир. По их расчётам фронт урагана будет у них через несколько минут, и они хотят, чтобы все, кто смотрит их трансляцию, сделали запись.

– Вы записываете?

– Конечно! Это может оказаться уникальной возможностью понять, что происходит внутри урагана.

– Если только он не движется там со скоростью пули.

– Вот мы и узнаем.

За кадром слышались реплики на немецком.

– Что говорят? – поинтересовался Васнецов.

– Я не понимаю. Вроде что-то про атмосферное давление.

Камера двинулась и показала обычный барометр, на котором имела красная риска. Чёрная стрелка медленно, но заметно двигалась от этой риски в сторону уменьшения давления. Камера показала диаграмму на экране монитора, чёрная полоса на которой, видимо тоже изображающая давление, делала резкий поворот вниз.

Голоса хоть и разговаривали на непонятном языке, но их интонация была понятной. Люди испытывали страх, причины для которого внешне ещё никак не проявлялись. Всем присутствующим на мостике не надо было объяснять, что такое резкое падение атмосферного давления событие чрезвычайное. Команда смотрела в экран телефона, затаив дыхание.

Снимающие видео метеорологи делали это нормальной камерой с хорошим приближением. Они перевели картинку вдаль. Снежные вершины на картинке задёрнулись из-за сильного увеличения. Но даже в таком дёрганом режиме можно было разглядеть темнеющее за ними небо. Чернота густела с каждой секундой.

– Если это ураган, то все расчёты его скорости верны, – догадался Васнецов.

– Именно, – согласилась Маарика. – Только это не ураган, это катастрофа.

Капитан повернулся, нашёл глазами Перепечку.

– Вахтенный, проведи линию от Баварии до Мурманска, посчитай, сколько это километров по прямой.

– Ага, сделаю, – Перепечка полез в навигационную программу ноутбука.

Тем временем на экране телефона разыгрывалось драматическое представление. Вершины гор тьма поглотила мгновенно. Она неслась навстречу с неестественно высокой скоростью. Камера показала участок неба перед наступающим фронтом. Белые облака сминались перед ним, как перед идущей звуковой волной.

Метеорологи не скупались на эмоции. Они громко восклицали, кто-то за кадром шмыгал носом и разговаривал плаксивым голосом. Вдруг порыв ветра качнул камеру. Голоса на мгновение смолкли. Начал нарастать гул и свист ветра. Он усиливался с каждой секундой. Оператор старался держать камеру ровно, но у него это не получалось. Он кричал, но его становилось слышно всё хуже и хуже.

Сквозь поднятую в воздух пыль и грязь просматривалась приближающаяся тьма. Она закрыла собой всё. Мгновение, и резкий удар вырвал камеру из рук оператора, ещё секунда, и картинка зависла. На ней остался последний кадр с разбитой линзой и расплывчатым куском тьмы, подсвеченным лампочкой видеокамеры.

На мостике воцарилась тишина. Собственная ситуация после просмотренного видео казалась чуть ли не подарком судьбы.

– Лев, сколько до нас осталось?

– По широте чуть больше тысячи миль, в километрах почти две.

– Две? Всего две? – для Васнецова эта информация стала сюрпризом.

– Да, я перепроверил. Две тысячи километров до нашей долготы.

– Он правильно рассчитал. Ураган идёт сплошным фронтом, – Маарика подошла к ноутбуку, чтобы проверить расчёты, сделанные вахтенным.

Испарина выступила на лбу капитана.

– Друзья, мужики, думаю сейчас лучшее время, чтобы позвонить родным и близким.

Глава 6

Чего стоило убедить жителей посёлка спрятаться на борту подводной лодки, знал только сам Коннелли.

– Не будет никакого обвала, – пытался убедить его Оскар Лемке, старый матрос, вечно имеющий на всё своё мнение, – камни усядутся после землетрясения по-новому и все дела.

– А если нет? – капитан боялся себе представить последствия схода оползня. От посёлка, да и от уютной бухты могло ничего не остаться.

– И сколько ждать?

Лемке стоял на рубке рядом с капитаном, наблюдая за привычной картиной посёлка с борта подводной лодки.

– Сутки. А потом пойдём посмотрим, как там дела. Если угрозы никакой и, как ты говоришь, всё уселось по-новому, то можно будет заняться изготовлением плотов, чтобы перевезти всё необходимое на новое место.

Лемке цыкнул и затряс головой, выражая таким образом несогласие с решением капитана.

– Народ же задохнётся в лодке. В десять раз больше, чем положено по штату. Даже вон, в торпедный аппарат пришлось сунуть, чтоб всем поместиться. Это же стоять придётся даже ночью.

– Уж лучше одну ночь постоять, чем потом лежать под грудой камней.

– Ничего. Не. Будет, – делая ударение на каждом слове, уверенно произнёс матрос.

– Посмотрим, – капитан и не думал уступать ему, делая всегда так, как считал нужным.

– И чего я тогда не остался на Новой Земле? – вспомнил вдруг Оскар. – Там и гор никаких, и Питер, кореш мой, остался.

– Ты же сказал, что не сможешь жить с русскими.

– Да я... почему-то тогда я так считал, что не смогу, а сейчас думаю, да какая нахрен разница, кто ты. Я же не считаю себя сейчас американцем или немцем. Всё, что у меня есть, это имя и фамилия, чтобы откликаться.

– Поздно теперь. Панчезе угнал нашу единственную надежду на общение с людьми с Новой Земли. Может, они найдут какое-нибудь судно и сами придут.

– Они знают, где мы?

– Конечно. Я оставил крестик на их карте с расположением нашего посёлка.

– Давно бы уже пришли. А что там космонавтка наша, не захотела вернуться на родину?

– Джейн? Нет, у неё муж погиб там. Сказала, что не оставит его могилу. Хочет верить, что у неё с дочкой будет возможность провести её.

– Да-а-а, как всё перетряслось после этого урагана.

– Как ты сказал, потрянуло и всё уселось по-новому?

– Да, похоже, что у Господа было желание снова превратить нас в один народ. Очень доходчивый способ, после тысячи предупреждений.

Оскар Лемке закатал рукав на рубашке и рассмотрел надрезы, сделанные врачом.

– Болит? – поинтересовался Джон.

– Нет. Просто, как вспомню, как выглядел Олбрайт, так страшно делается. Надеюсь, вы с Сэмом знали, что делали, и я не превращусь в такую же мерзкую тушу с шишками, – Лемке пощупал свои лимфоузлы.

– Не бойся, не превратишься. Сейчас гораздо опаснее оползень. Как думаешь, если он случится, то за сколько дойдёт до бухты?

Лемке сморщил и без того сморщенный лоб.

– Минут десять, – произнёс он неуверенно.

– Я тоже так считаю. У нас будет время отойти на полмили отсюда.

– А что не отойти заранее.

– Реактор при смерти. Если не случится оползня, то нам его ещё хватит на год освещения, а так только на полмили хода.

– Вот чёртова техника. И чего не делали подлодки на угле? На века хватило бы.

– Верно. Если бы знали заранее, то всю технику можно было бы перевести на работу от угля или дров. Но никто не знал, так же, как и мы с тобой сейчас не знаем, будет оползень или нет.

– Интрига, однако. Хотя я знаю, что никакого оползня не будет.

– А я нет. Я был наверху и видел, как разрушается стена.

– Усаживается.

– Разрушается.

– Ладно, Джон, всего-то сутки в тёмном душном нутре подлодки, и ты сам поймёшь, что был неправ.

– Хочу тебе верить, но знаю, что ты неправ.

Лемке снова цыкнул и закатил глаза под лоб.

– Пойду на нос, отлить надо.

– Если что, Оскар, мы тебя ждать не будем, – усмехнулся капитан.

Лемке только отмахнулся. Он прошёл по корпусу до самого носа, посмотрел в сторону суши, будто проверяя, стоит ли приступать к оправлению или нет. Коннелли достал бинокль и тоже посмотрел в сторону опасного участка. Ему показалось, что он потемнел сильнее обычного. Сложенную из обрушившихся во время урагана камней стену сложно было разглядеть под разрастающейся молодой зеленью.

Вдруг вся стена вместе с зеленью пришла в движение. Десятки тысяч тонн камней ухнули вниз под напором воды и понеслись к подножию горы.

Творящаяся на глазах катастрофа выглядела пугающе грандиозно. Из-за расстояния она происходила без звука.

– Оскар! Оскар! – крикнул Коннелли. – Бегом в лодку! Началось!

– Что началось? – Лемке подслепо посмотрел в сторону суши в тот момент, когда воздух донёс звуковое известие о наступившей катастрофе.

Лемке не стал заправлять ширинку. Припустил к рубке, как не бегал в свои двадцать лет. Ветер доносил грохочущие звуки сходящего оползня.

– Полный вперёд! – скомандовал по внутренней связи Коннелли.

Он спустился по лестнице и ждал Лемке, чтобы задрать люк. Оскар начал кричать ещё до того, как добежал до рубки.

– Джон, подожди! Джон, не закрывай!

Его лицо, появившееся в люке, выражало неподдельный страх.

– Живее. Нашёл момент справлять нужду.

Лемке слетел по лестнице вниз. Капитан задраил люк и спешно направился на мостик, посмотреть на оползень через перископ. Лодка, не двигавшаяся с места уже несколько лет, затряслась всем корпусом, качнулась и медленно двинулась вперёд.

На мостике уже разглядывали природную катастрофу.

– Что там? – капитану уступили место.

– Сами смотрите, – ответил бывший член команды подлодки.

Коннелли приложился к окулярам. Ему пришлось поводить перископом, чтобы понять, что он смотрит в нужную сторону. Пейзаж долины, в которой находился посёлок, изменился кардинально. Чёрная река разлившегося озера снесла всё, что здесь успело вырасти и было построено за пятнадцать лет после урагана.

Поток приближался к бухте, гоня перед собой огромные валуны. Он снёс последние рыбацкие постройки у берега и растяжки, на которых сохли сети. Оползень вклинился в бухту, подняв брызги.

– Прибавьте хода, – приказал капитан.

Его поручение выполнили. Лодка завибрировала сильнее. Через несколько секунд свет заморгал и потух. Вибрация корпуса пропала. Двигатели и вращаемые ими винты остановились. У реактора закончилось топливо.

– Чёрт! – выругался капитан. – Ещё бы минуту и мы бы точно ушли.

Лампочки на капитанском мостике разгорелись тусклым жёлтым светом на десятую часть своей мощности.

– Выключите всё освещение на судне и попробуйте снова запустить генераторы, – приказал он.

Свет потух. По корпусу снова пробежала судорога, но она оказалась предсмертной. Реактор больше не подавал признаков жизни. Тем временем лодку настигла волна. Её ощутимо качнуло. Тёмное нутро судна наполнились детскими и женскими криками. Коннелли посчитал, что на этом всё должно было закончиться, следующей волне взяться было неоткуда, но он ошибся.

Буквально спустя несколько секунд по корпусу лодки раздались мощные удары, сотрясающие её. Это было ужасно, и здорово напоминало события пятнадцатилетней давности, когда пришлось проверить крепость корпуса судна, бомбардируемого камнями. Сквозь грохот слышались крики. Коннелли ухватился за перископ. Ему показалось, что корму начало задирать.

Под корпус лодки, капитан ощущал это, будто был соединён с ним органами чувств, набились камни. Лодка скользила по ним, несомая собственной инерцией и потоками воды, и в какой-то момент вестибулярный аппарат дал понять, что она заваливается набок. Народ тоже почувствовал это. Крики усилились. Все, кто был на капитанском мостике, ухватились, чтобы не упасть.

Скрежет затих, и лодка замерла.

– Все живы? – громко спросил капитан. – Включите свет!

Тусклый свет появился спустя полминуты. Капитан достал из кармана старинные часы на цепочке и вывесил их, чтобы понять насколько лодка отклонилась от вертикали. По его прикидкам получилось, что она лежит на правом борту и наклонена носом вниз. Капитан не знал, насколько глубоко они погрузились и можно ли открыть люк на рубке, как и не знал, была ли лодка завалена камнями или нет. Он посмотрел в перископ, но ситуация только усугубилась. В него ничего не было видно, и капитан решил, что его сломало.

В помещение пробрался Паликовски.

– Что у тебя Сэм, есть раненые?

– Нет. Ушибы и испуг, ничего серьёзного. Мы что, легли на мель?

– Это было бы хорошо, Сэм.

– А что плохо?

– То, что нас могло завалить, – шепнул на ухо врачу капитан. – Надо обсудить, как выбираться отсюда, чтобы не наделать глупостей.

В рубке стали появляться заинтересованные в дальнейших действиях жители посёлка.

– Капитан, почему не открывают люки? Воздух становится очень спёртым, дети жалуются, что у них кружится голова, – это была Линда Ларсон, первая активистка.

– Скажи людям, пусть потерпят, пока мы не определим, какая ситуация снаружи.

– В смысле? Вы что, думаете, что над нами вода?

– Я думаю обо всём, и мне надо, чтобы на меня не давили, пока я размышляю. Скажи людям, чтобы меньше двигались, чтобы сэкономить воздух.

Женщина ушла, а капитан обратился к тем, кто служили офицерами на подлодке и находились сейчас на мостике.

– Люк на рубке открывать опасно. Если его завалило, то при попытке открыть, камни его заклинят, и тогда мы не сможем его закрыть снова, – пояснил Коннелли свои опасения.

– Торпедный отсек? – предложил кто-то.

Лет семь назад, капитан провёл последнее военное учение, которому дал условное название «Бесполезная ярость», отстреляв все торпеды и выпустив все «Томагавки» в белый свет. Не хотелось иметь на борту источник опасности в виде стареющих ракет и торпед.

– Хорошее предложение, – согласился капитан. – Единственное, что нас может остановить, это гидравлика, открывающая внешнюю крышку.

– Надо отключить всё электричество.

– Всё, до последней лампочки.

Свет на подлодке снова потух. Коннелли и несколько человек, служившие на подлодке старшими офицерами, направились к торпедным аппаратам. Сделать это оказалось непросто. В проходах было тесно, к тому же становилось душно. Система вентиляции уже давно не работала, а необходимости в её ремонте никто не видел. Напротив, всё, что было ненужным на подлодке, пригодились в посёлке.

– Пропустите пожалуйста. Посторонитесь, – требовательно обращался капитан к людям начинающим паниковать. – Всё в порядке! Мы сейчас откроем люк и выйдем наружу.

– А все выйдут? – спросил женский голос.

– Кто хочет остаться здесь, я препятствовать не буду.

– Ни за что. Воздух заканчивается, у меня уже кружится голова.

– Потерпите немного.

В торпедном отсеке народ тоже набился плотно. Капитан на ощупь добрался до установок по левому борту, оказавшихся теперь наверху. Постучал в крышку торпедного аппарата, чтобы проверить, есть в нём вода или нет. Внутренности торпедного аппарата отозвались колокольным звоном. К счастью, воды в нём не было.

– Пустой, – догадался и Лемке, оказавшийся рядом.

– Слышу, – капитан помассировал виски, пытаясь заставить голову найти самое удачное решение.

Оно напрашивалось само собой. Попытка выйти через торпедный аппарат могла оказаться последней для смельчака. Внешняя крышка могла не открыться на достаточную величину, чтобы пропустить человека, и тогда он оказывался в «мышеловке». Его можно было вернуть назад, открыв торпедный аппарат, но тогда не факт, что удалось бы закрыть его вновь. Торпедный отсек пришлось бы закрыть, а людей разместить в остальной части лодки, ещё сильнее усугубив их состояние.

– Мне нужен скафандр, – известил людей капитан, приняв смелое решение выполнить работу самостоятельно.

– Капитан, не стоит вам рисковать собой, давайте я, – неожиданно подал голос Оскар Лемке.

– Ты? – удивился капитан.

– Я, а что? Я-то как раз выбирался наружу в скафандре. Если помнишь, это моя специальность.

– Слушай, Оскар, это опасно. Мы не знаем, что с лодкой. Что, если оползень накрыл её целиком?

– А чего гадать, откроем люк и посмотрим. Если всё так печально, помолимся и будем помирать. Отличный склеп у нас. Наверное, половина человечества собрана в нём.

– Оскар, чтоб у тебя язык отсох, – пожурил его женский голос.

– Аманда, ты?

– Я. Не признал в темноте?

– Обещай, что бросишь Джона, если я вернусь живым.

Аманда молчала несколько секунд.

– Давайте лучше я сама выберусь наружу, без всяких условий, – предложила она.

– У, ведьма, – картинно выругался Оскар.

Коннелли уступил Лемке под нажимом толпы. Ей не хотелось терять человека, который заслужил, чтобы не рисковать собой в первых рядах. Оскара облачили в громоздкий водолазный костюм. Прежде, чем прикрутить «колокол» он договорился с капитаном об условном сигнале, означающем состояние люка на рубке.

– Три удара в люк означают, что он над водой, – повторил Оскар за капитаном, – если под водой, то один и тогда я возвращаюсь назад.

– Так точно, – капитан хлопнул матроса по плечу. – Консервируйте.

Лемке накрутили шлем и открыли кислород. Матрос показал поднятый большой палец, что у него всё хорошо. Открыли люк торпедного аппарата и затолкали в него Оскара. Завинтили крышку, после чего капитан отдал приказ открыть внешнюю крышку аппарата. Загудели электромоторы, нагнетающие в гидравлические приводы давление. Все ждали звука поступающей воды, но он всё не раздавался. Внезапно гул приводов крышки люк затих.

– Полностью открылись? – поинтересовался Коннелли.

– Вроде, нет, хотя я мог и забыть, – ответил кто-то из инженеров подлодки.

Лемке замолотил ботинками в корпус аппарата. Народ встревожился.

– Застрял?

– Скафандр дырявый уже?

– Нормальный костюм, я лично проверял.

– Может, запустить его обратно?

– Если бы он просился назад, то бил бы ногами в люк, а так в стенки стучит, карабкается.

Коннелли, поняв что промедление может оказаться причиной гибели человека, принял решение приоткрыть люк, уверенный, что в нём не будет воды. Он сам ухватился за вентиль и принялся его вертеть. В помещении раздался ропот.

– Кто это крутит?

– Зачем? Мы же утонем?

– Спокойно, я думаю, воды в аппарате нет, – ответил капитан. Его голос сразу признали. – Я только приоткрою, чтобы убедиться, что прав, а потом открою полностью.

Вода, как он и предполагал, из торпедного аппарата не пошла. Тогда капитан уверенно открыл люк полностью.

– Лемке? Оскар? – крикнул он в черноту.

В ответ ему раздалось только собственное эхо, как в пустой трубе.

– У кого есть огонь? – спросил он.

– Капитан, здесь и так дышать нечем.

– Мне нужно на одну секунду, убедиться, что Лемке покинул лодку.

Ему передали в темноте кремневое кресало и кусок сухой травы, пропитанный жиром. В посёлке это было универсальным средством для разжигания огня. Коннелли положил пучок травы на проушину крепления люка, умело чиркнул по кресалу, чтобы направить в нужную сторону сноп искр. Трава затлела. Он подул на неё и пучок сразу же окутался пламенем.

Нутро торпедного аппарата осветило. В самом его конце блестело зеркало воды, но Лемке в нём не было. Капитан придавил огонь рукавом.

– Я пошёл в рубку. Оскар выбрался наружу.

Он не спешил успокаивать народ, не будучи полностью уверенным в том, что Оскару всё удалось. Он очень на это рассчитывал, но суеверно боялся ошибиться. Народ по пути натужно дышал. Кислорода в воздухе становилось всё меньше и меньше. Кровь стучала в уши. В висках

появилось давление, а непроницаемая тьма усиливала ощущение головокружения. Джон пару раз терял ориентацию. Ему пришлось спрашивать у людей, в каком он отсеке, чтобы построить дальнейший маршрут. Прежде чем оказаться в рубке, он услышал удары в люк. Серия из трёх, с небольшим перерывом.

– Открывайте люк, не ждите меня! – выкрикнул он, чуть не плача от радости.

Заскрежетал несмазанный металл, загремели механизмы и спустя минуту люк откинулся, осветив рубку невероятно ярким светом. В люк, наклонившись, смотрел через стекло шлема Оскар. Он подал руку первому мужчине, помогая ему выбраться на белый свет.

– Женщин и детей вперёд! – приказал Коннелли, оставшись в подлодке.

Спустя четверть часа он последним покинул судно. Народ стоял по всей длине подводной лодки, с трудом умещаясь на ней. Капитан, щурясь на яркий свет, долго рассматривал окрестности, чтобы оценить ситуацию, в которой они оказались.

Всё изменилось. Долина больше не была той цветущей и уютной долиной, подарившей им пятнадцать лет на становление после всемирной катастрофы. Она превратилась в безжизненный замерший каменный поток, продолжающийся глубоко в бухту. Как и предполагал капитан, оползень настиг их, подобравшись снизу, вынес лодку на поверхность и замер. Судно лежало на нём, накренившись носом вперёд. Теперь подлодка была единственной крышей над головой.

– Что думаешь, капитан? – спросил Сэм Паликовски.

– Думаю, это последнее испытание или будут ещё?

Сэм невесело усмехнулся.

– Хватит уже. За что нам столько?

– Без понятия. Может быть, стоило послушаться Панчезе? Как оказалось, не такой уж он и безумец.

– Не знаю, не уверен. Мне спокойнее с тобой, хоть ты и не провидец. А Брайан, если его не прибьют раньше, выдумает религию, а себя назначит посланником Бога на земле. Симптомы классические.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что я не умею предвидеть.

– Я же не в том смысле.

– Я шучу, Сэм.

Перед тем, как спрятаться на борту лодки, капитан отдал распоряжение снести в неё некоторые продовольственные припасы, оказавшиеся теперь весьма кстати. Не откладывая на потом необходимо было искать место для нового посёлка, и желательно успеть построить до зимы хотя бы несколько домов, чтобы разгрузить судно. От мыслей о том, сколько всего надо успеть, Коннелли становилось нехорошо.

Оползень пощадил рыбацкие лодки, стоявшие в бухте, просто отогнав их от берега. Они оказались огромным подспорьем для поиска места основания посёлка. На этот раз решили не игнорировать возможные опасности, рассматривая все варианты в виде обвалов, осыпей, наводнений и прочих природных неожиданностей. Попутно, ловили рыбу и сушили её на берегу. Водная живность восстанавливалась с каждым годом всё заметнее и заметнее.

Всё чаще у берегов появлялись киты, охотящиеся за планктоном в верхних прогретых слоях воды. Минтая, подходившего на мелководье для нереста, стало намного больше. В сети стала чаще попадаться треска, а в последние два года нередким стал и лосось. В местах впадения рек так и вовсе можно было организовывать его вылов в огромных количествах.

Голодная смерть не грозила жителям посёлка, даже если бы они всё время кочевали с места на место. Природа восстанавливалась, и ей ничего не стоило накормить несколько сотен человек. Даже аляскинские медведи и волки, пережившие катастрофу, не сталкивались с людьми, всё ещё держа в генетической памяти страх перед ними. Еды хватало всем.

Коннелли, чтобы не ждать результатов обследования прибрежных районов, сам отправился на поиски нового места. Он уже представил себе в голове место, на котором хотел бы организовать новое поселение, и теперь желал найти его в действительности.

Вначале он прошёл вдоль берега на запад. Но все бухты, что встречались им, были заболочены, отвратительно пахли, в них миллиардами роилась мошара и в принципе они были неприступны. Тогда на совете решили двинуться на восток и идти вдоль берега столько, сколько понадобится.

Оценить с берега, насколько место пригодно для поселения, определить было сложно. Приходилось часто останавливаться, идти вглубь суши хотя бы на километр, чтобы рассмотреть ландшафт. Всё было не то. Обычно отталкивали болота, вблизи которых невозможно было находиться. Они образовались во всех складках местности, по которым к морю не бежала вода. Реки с чистой пресной водой также были основным приоритетом в выборе места. Коннелли нещадно браковал даже те места, которые казались подходящими всем остальным членам экспедиции.

– Нет, здесь селиться нельзя. Смотрите, – капитан показал на несколько тушек грызунов, погибших по неясной причине в одном месте – они, скорее всего, сдохли из-за отравления. Сюда откуда-то несёт болотными газами. Чуете?

Команда погоняла воздух носами и неуверенно пожала плечами.

– Джон, это могла быть эпидемия, – предположил Паликовски.

– Тем более. Не стоит строить посёлок на месте, где дохнут крысы. Я не буду игнорировать знаки, кто бы что ни говорил о моей неспособности предвидеть.

В итоге экспедиция не ограничилась семью днями пути. Коннелли, идя на поводу у интуиции, как одержимый для всех, кроме самого себя, отвергал подходящие на первый взгляд территории.

На десятый день, рано утром, после того, как команду напугал кит, выдавший рядом с лодкой фонтан, решено было прибиться к берегу, развести огонь, чтобы высушить вещи и позавтракать чем-нибудь горячим. Сквозь дымку утреннего тумана, спускающегося с гор, показался пологий берег со спокойной водой. Это точно была бухта, но туман не позволял увидеть её границы.

Команда причалила и выбралась на берег. Было невероятно тихо. Слышались всплески воды о камни и больше ничего. Тяжёлый воздух, напоенный влагой, словно замер. И посреди этой тишины раздался волчий вой. Далёкий, многократно повторенный эхом.

Команда напряглась.

– Ну, вот, с соседями не повезло, – вздохнул Стен Марш, опасливо озираясь.

– Да, волки не уйдут, если будут считать себя хозяевами здесь.

– А вы что, уже решили, что мы нашли себе пристанище? – усмехнулся Коннелли. – Давайте дождёмся, когда разгонит туман.

Команда, плотно прижавшись друг к другу, отправилась собирать топливо для костра. Сырья было мало, как и по всему побережью, поэтому его набрали достаточно только к тому времени, когда солнце самостоятельно справилось с туманом. За всё время волчий вой не повторился ни разу. Видимо хищники почувствовали присутствие людей и решили понаблюдать за ними.

Костёр нехотя разгорелся, долго треща мокрыми ветками и обильно дымя. Капитан осмотрелся. Вопреки начальному скепсису, это место ему приглянулось. До линии скал не меньше трёх километров. И то, они здесь были не очень крутыми, со следами зеленеющей на них растительности. Неподалёку в океан впадала небольшая речка с чистой водой. Здесь было где разгуляться и под постройки, и под сельское хозяйство. А волки? Его они волновали не особо сильно. Дикие животные не были привязаны к одному месту. Для них домом был весь мир.

После завтрака капитан решил внимательнее разглядеть местность. Он взял с собой Сэма и пару гарпунов для охоты на рыбу, чтобы отбить охоту у волков связываться с ними.

– Нравится? – первым делом спросил Коннелли у врача, давая понять, что его мнение он ценит очень высоко.

– Да, признаю, здесь даже лучше, чем там было. Вот только волки...

– Не думай о них. Они сами уйдут, когда увидят, что здесь поселились люди.

– Надеюсь, – Сэму захотелось поверить капитану. – Дальше не идём?

– Нет. Незачем, – капитан споткнулся обо что-то и чуть не упал. – Чёрт! – он нагнулся и поднял предмет с земли. – Сэм, что это?

У него в руках находился кусок ржавого железа правильной прямоугольной формы, размером с три ладони.

– Артефакт из прошлого, – пояснил Паликовски.

– Вижу, что не из будущего. Каким ветром его сюда занесло?

Врач надул губы, но никак не прокомментировал игру слов. Он взял в руки предмет и рассмотрел его.

– Похоже на груз для тренажёра, только без дыр, – решил Сэм.

– Совсем не похоже, – капитан вернул находку себе.

Нашёл на земле камень и постучал им по ржавчине. Часть её отслоилась, обнажив под собою рельефную надпись.

– Сэм, похоже, здесь что-то написано, – капитан постучал ещё. – Чёрт, это кириллическая тарабарщина. Ты что-нибудь понимаешь на кириллице?

– Нет, но Лемке понимает. Он из восточной Германии.

– Лемке на все руки мастер. Придётся ему ещё раз нас всех спасать.

Капитан и врач вернулись. Команда сидела возле костра и негромко разговаривала. Коннелли положил под ноги Оскару находку. Разговоры сразу стихли.

– Прочтёшь!

Лемке с любопытством глянул на вещь, поднял её и провёл ладонью по буквам.

– Ледокол «Север». Росатомфлот, – прочитал он.

– Да? – удивился капитан. – Откуда она здесь взялась?

– Как и всё остальное, принесло ветром.

– Нет, друзья. Ледоколы ходят в тех широтах, где ураган почти не ощущался. Не могло ему оторвать табличку и принести ветром. Зачем они оставили её здесь?

Капитан взял её в руки, повертел, а затем принялся неистово оттирать её куском рогожи, периодически смачивая водой. Через пять минут упорного труда под выпуклой надписью проступили буквы, сделанные острым предметом. Они едва были видны. Ещё немного, и ржавчина съела бы их полностью. Надпись на табличке была сделана вручную острым предметом.

– Оскар, что здесь написано? – с горящими глазами обратился капитан к единственному человеку, понимающему русский.

Лемке лениво смочил тряпицу бульоном из котелка и провёл по шербоной поверхности таблички. Жир сделал надпись более контрастной. Повертел её перед собой, будто не мог понять, как автор сделал надпись.

– Здесь написано: «Наш ледокол повреждён. Идём на юг. Сто сорок четыре человека».

– Уверен? – переспросил капитан. – Зачем им на юг?

– В русском языке слово юг и север между собой никак не перепутаешь. Написано «на юг».

– Удивительно, – Коннелли взгляделся в непонятные слова, будто они должны были дать ему ответ.

– Сдаётся мне, капитан, что счастливиц, переживших катастрофу, будет больше, чем мы считали, – Паликовски постучал пальцем по табличке. – Ледокол – крепкая посудина, и на ней установлен ядерный реактор.

– Хочешь сказать, что нам надо заняться поисками?

– Сначала надо отстроиться, а потом – почему бы и нет? Если они пошли вдоль берега, а это очень вероятно, то и для нас такой путь будет безопаснее пересечения океана.

Коннелли задумался.

– Сто сорок четыре, – повторил он цифру, написанную на табличке. – Интересно, там были женщины?

– На табличке об этом не сказано. Скорее всего, она оставлена с тех времён, когда люди ещё не успели задуматься о будущем в плане восстановления собственной популяции. Это важно?

– Конечно важно, Сэм. Если там одни мужчины, то их лучше не искать, иначе мы получим врага.

– Я так и думал, капитан, что тогда ваша позиция насчёт мексиканок для русских была такой непримиримой не просто из благородных чувств.

– Только не пытайся превратить меня в бездушного прагматика, Сэм. Да, я не хотел, чтобы новая история началась с войны, войны за женщин, но я также не хотел, чтобы мы снова гребли всё под себя. Сейчас людям как никогда нужна взаимопомощь и взаимовыручка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.